Семейное дело

Автор:
Андрей Панов

Семейное дело

Вадим Юрьевич Панов

Андрей Анатольевич Посняков

Тайный Город #22

В густых лесах, где-то между двумя российскими столицами, притаился провинциальный Озёрск – небольшой, уютный, таинственный… А рядом с городом, на берегу Тёмного озера, в старинной усадьбе спрятаны несметные сокровища графов Озёрских, не дающие покоя ни местным жителям, ни чекистам, ни немецким захватчикам. Все охотились за старым кладом, но только обитатели Тайного Города знали, что главное в нем отнюдь не золото, а нечто более важное и значимое. То, что можно искать веками. То, ради чего можно пойти на преступление…

Вадим Панов, Андрей Посняков

Семейное дело

© Панов В., Посняков А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Сначала – тревога.

Даже не тревога, а нечто более слабое, едва заметное. Сначала лёгкое, на грани понимания, ощущение опасности. Сначала ты знаешь – и это иррационально, – что приближается враг. Беспощадный, безжалостный враг, опаснее которого ты ещё не встречал, но сначала тебе кажется, что всё происходящее – сон.
И тревога, которая не тревога, и враг, который кажется страшным. Жестокий. Жаждущий крови… Тёплой, остро пахнущей крови, которую… которую ты тоже не прочь попробовать на вкус.

Ты ещё не видишь его, но уже хочешь… крови. Его крови.

Ведь ты тоже опасен.

А враг наполнен ею – кровью. Ведь не бывает, чтобы внутри жертвы не оказалось крови. Ты не помнишь ни одного такого случая. Ты начинаешь вспоминать и убеждаешься…

Сейчас не время!

Воспоминания сладки, но сейчас нельзя отвлекаться. Сейчас нужно сосредоточиться на том, кто рядом. На том, кто опасен, кто смог вызвать в твоей душе чувство лёгкой тревоги, и…

И это чувство не становится сильнее, потому что его съело слово.

ЖЕРТВА!

Ты знаешь, что приближающийся враг силён, но ты находишь для него только одно слово: жертва. Даже не находишь, ты используешь это слово машинально, не задумываясь, потому что все, кто бросает тебе вызов, – жертвы, насколько бы опасными они ни казались. Потому что твоя суть – охота. Потому что слово «враг» кажется тебе неестественным.

Какие враги могут быть у того, кто с нетерпением предвкушает чужую атаку?

У того, кто хочет крови.

У того, кто по-настоящему опасен.

Лёгкое чувство тревоги растворяется в желании убить. Не защититься.

Тьма становится твоим другом, тишина – твоим союзником, приближающийся убийца – жертвой. Ведь в нём течёт тёплая кровь.

Ты её хочешь.

Ты замираешь и несколько тягучих мгновений играешь в «Послушай ночную тишину». Улавливаешь легчайший шорох – жертва осторожна, умеет быть почти незаметной, но это «почти» – убивает… Ты же поворачиваешься абсолютно бесшумно, чуть приседаешь, готовясь к движению, и аккуратно ломаешь сухую палочку.

Ты улыбаешься.

Жертва не только осторожна и почти незаметна – жертва агрессивна и считает себя сильной. Жертва слышит трескучую подсказку и тут же прыгает, летит на тебя, изготовившись, уже предвидя сокрушительный удар… От которого ты плавно уходишь в сторону и отвечаешь резко: правая рука становится длиннее, превращается в прочный коготь, больше походящий на косу, острейший кончик которой дотягивается до незащищённого бока нападавшего.

Запах свежайшей крови ударяет в голову.

Твоя улыбка обращается в смех. Ты смеёшься, слыша предсмертный хрип лежащей у ног жертвы. Ты облизываешь окровавленный коготь и поднимаешь глаза к равнодушным звёздам. Ты смеёшься, предлагая им разделить твою радость. Ты смеёшься…

И просыпаешься.

Ты лежишь в своей кровати и морщишься от запаха пота. И без всякого интереса разглядываешь покрытую прочнейшей чешуёй руку, которая только что, в глубоком сне, была покрыта чужой кровью.

Крепкие пальцы. Острейшие когти на них.

Ты смотришь на них, и в твою голову приходит одна-единственная горькая мысль:

«Я не человек!»

Глава 1

Озёрский уезд, 1920 год, июнь

«В уезде участились случаи нападения банд местных уголовников и дезертиров на граждан. Отделение УгРо при Озёрском уисполкоме настоятельно рекомендует жителям уезда воздержаться от прогулок в тёмное время суток до полного уничтожения банд, которое воспоследует уже в ближайшие дни и недели. Краскор тов. М. Столяров».

«Ведомости Озёрского уисполкома» от 11 июня 1920 г.

– Тпр-р?ру! Да стой ты, идолище! – Угрюмого вида мужик в засаленной телогрейке поверх серой косоворотки из дешёвого ситца и грязных штанах, заправленных в солдатские сапоги, спрыгнул с подводы, взял лошадь под уздцы и похлопал по морде. – Стой, кому говорю!

Лошадь – старая, видавшая виды кобыла неопределённой серовато-гнедой масти – презрительно покосила глазом и фыркнула.

– Ну, наконец-то, Игнат!

Из леса на дорогу выбрались двое: молодой парень с круглым глуповатым лицом и чернявый мужчина лет тридцати, с хитрым, неприятно бегающим взглядом тёмных глаз. Парень был одет по-деревенски: рубаха с суконной поддёвой, картуз да самотканые портки. А его хитрован-напарник, судя по одёже, был из городских: австрийский серовато-зелёный френч поверх синей косоворотки, довоенные диагоналевые брюки галифе, коричневая – блином – кепочка. И чем-то он походил на бывшего буржуйского премьера Керенского, то ли френчем, то ли – скорей – причёской: такой же треугольник на лбу, ёжик, как был у Александра Фёдоровича.

– Тьфу ты, жара! – Сняв кепку, хитрован вытер выступивший пот и, глянув на кобылу, хмыкнул. – Лошадёнка-то сдюжит?

– Сдюжит, Хаснатый, сдюжит, – пообещал угрюмый. – Большевички с ней по продразвёрсткам ездили.

– А-а?а, ну раз та?ак…

Хаснатый – то ли это фамилия была такая, то ли кличка – глумливо скривился и повернулся к парню:

– Точно они там вдвоём? Никого больше нету?

– Да никого, гы. – Селянин глуповато моргнул. – С утра, как ты велел, захаживал, спрашивал – не надо ли, мол, плотничать? А сам глазьями-то – везде, гы!

– Ишь ты, везде… Ох, Гунявый, Гунявый, хорошо б, коли так… – Хитрован нахлобучил на голову кепку и глянул на небо. – Темнеет уже.

– Темнеет. – Угрюмый Игнат потрепал кобылу по холке. – Думаю, робяты, – пора… А в усадьбе точно поживиться есть чем? Неужто не разграбили мужички?

– Не разграбили, – торопливо ответил Гунявый. – Не трогали наши баб графских, ничего от них плохого не видели, вот и не трогали. Так что ежели есть сокровища, то тут они.

– И большевики не взяли?

– Большевики тоже не лезли.

– Почему?

– Может, графиня их того… – Парень скабрёзно ощерился. – Уговорила?

– Антиресно, оружие у этих баб есть? – Исполняя приказ, Игнат привязал лошадь к старой осине, невдалеке от лип, что росли близ усадебной ограды. – Если нету… так я бы их обеих того… спробовал бы. Дочка-то графини – красивая. Да и сама она…

– Может, и спробуем, – сплюнул под ноги хитрован. – Коли по-быстрому провернём всё. А так – покуда вывезем, покуда в лесу всё спрячем – время-то о?го?го.

– Ох, мудёр ты, Хаснатый, – вроде бы и со всем уважением, но не особенно-то уважительным тоном промолвил Игнат. – Мудёр.

Хитрый мужик был Хаснатый, как говорили – с вывертом. В деревне к нему относились с опаской, не шибко-то доверяли – хитрован был из городских, а городские деревенских, ясное дело, завсегда норовят обвести вокруг пальца, с того, суки гладкие, и кормятся. Хотя… это ведь Хаснатый весь план налёта придумал, что есть, то есть. Всё и обсудили ещё вчера, загодя, заедая малую толику самогона шматком пахучего сала. Много не пили, потому как на дело идти и головы нужны ясные. Вот опосля – вот тогда уж и можно будет разговеться.

– Спрячем подводу в лесу, рядом с усадьбой, – учил Хаснатый. – Сами, как стемнеет, незаметно пробираемся во двор, выставляем раму – вот уже и в людской, а там… А там будет дело! Всё берём быстро, без суеты: сначала связываем старую графиню, потом – малую. И быстренько – по комнатам, по барским покоям…

– А ежели они супротивляться начнут, кричать?

– А ножик у тя на что, Гунявый? Иль уж хотя бы кулак.

– Понял… – Парняга немного помолчал и влез снова. – Мужики говорили, мол, в усадьбе оружия до хреноватой матери.

– Так и мы, чай, не пустые пойдём! Обрез, три «нагана», ножи – что, с двумя бабами не сладим?

– Так и у них могеть…

– Что «могеть», Гунявый? Пулемёт они на чердаке прячут, что ль?

– Пулемёт, не пулемёт, а то, что старая графиня с нечистой силой дружбу водит – факт! Мужики говорили…

– А при чём тут пулемёт – и нечистая сила?

– Дак я так, к слову…

…Про нечистую силу Гунявый, чтоб ему пусто было, вспомнил и сейчас, едва только налётчики подошли к липам – больно уж зловеще выглядела усадьба на фоне кровавого закатного неба: красные, словно глаза вурдалака, сверкали вечерней зарёй оконные стёкла мансарды, корявились кривоватыми лапами росшие невдалеке сосны, словно крышка гроба, торчала крыша амбара, а чуть левей, чёрными выпяченными рёбрами тянулись вверх стропила выгоревшего пару лет назад флигеля.

– А ну, хватит нечистую поминать, кому сказано! – подходя к ограде, злым шёпотом предупредил Игнат. – Накличешь ещё, дурень. Ну? Чего хмыкашь-то?

– Да не хмыкаю я, дядько Игнат. Колокольчики вспомнил.

– Какие ещё, к ляду, колокольчики? – Угрюмый сплюнул. – Не, ты слыхал, Хаснатый? Вот дурень. Вот дурень-то! Ох, чувствую, зря мы его с собой взяли – управились бы и вдвоём.

– Ничего, Игнате. Нож да обрез лишними никогда не бывают. Да и силёнкою Гуняву нашего Господь не обидел… не знаю, как там чем другим. – Хитрован покосился на спутника. – Так ты к чему колокольчик-то вспомнил, паря?

– К богатству! – ответил тот.

– К чему-у?!

– Колокольчики-то не простые – серебряные, – громким шёпотом объяснил Гунявый. – Я, как со двора уходил, сам слыхал, как старая графиня молодой про них говорила. Ещё подумал – антиресно, сколь в них серебра-то?

– Сыщем, не боись! – Хлопнув парня по плечу, Хаснатый негромко рассмеялся. – И колокольчики сыщем, и всё серебро заберём! Чую – удача ныне с нами!

Осторожно пробравшись задним двором, за сараями и каретной, налётчики замерли возле окна. С минуту прислушивались, вертели головами, а потом Игнат, вытащив нож, в два счёта выставил из пазов раму.

– Х-хэк! Всего-то и делов. А ну, подмогните-ка!

Раму осторожно поставили наземь, в траву. Образовавшийся проём глядел на пришельцев недобро, отпугивая мёртвой глухой тишиной и мраком.

– Темновато чегой-то. – Гунявый сглотнул. – Совсем темновато…

– Ты, паря, про фонарь забыл.

– Ах да, фонарь! Не пора ль вжечь?

– Не пора! Сперва залезем. – Потрогав рукоятку сунутого за пояс нагана, Игнат размашисто перекрестился и поплевал на руки: – Первым пойду, а вы покуда здеся… Огляжусь – свистну.

– С Богом, Игнат!

Хмыкнув, мужик ловко забрался на подоконник и…

И вдруг весь проём окна, шипя, окутала пелена жаркого тумана! Да что там жаркого – горячущего! Горячущего и резкого, как будто трубу в паровозе

сорвало. Как будто…

– Кипято-ок! – заорал ошпаренный налётчик, выпадая обратно во двор. – Кипято-ок. Ох, ошпарили, суки?и-и?и! Сварили, сварили, у?у?у… Больно!!!

Выхватив револьвер, Хаснатый сделал несколько выстрелов в темноту людской. Стрелял наугад, поскольку никого там видно не было, одна тьма, и не попал, наверное, поскольку никаких звуков, кроме выстрелов да шипящего пара, не последовало. Игнат тоже больше не орал, только постанывал да матерился. Сильно пахло ошпаренным деревом, как бывает, когда в пьяном угаре опрокинут на пол кипящий самовар.

– Ах вы, суки! Гляньте-ка, там, наверху, баба!

– Графиня! Ага!

Хаснатый тут же пальнул, но не попал, лишь осколки стекла разлетелись со звоном. А хозяйка усадьбы, не обратив внимания на стрельбу, распахнула настежь окно и вытянула руки, будто собралась броситься злодею на шею, обнять, как обнимают внезапно вернувшегося с войны близкого родственника – здорового, живого…

– Сука!

Хаснатый собрался выстрелить снова, но из пальцев графини вдруг вырвался поток жёлтого пламени, нестерпимо яркого в ночной тьме, ударил Хаснатого в грудь, и налётчик тут же вспыхнул факелом, выронил оружие и, заорав от нестерпимой боли, принялся кататься по траве, пытаясь сбить смертельные объятия огня.

Гунявый опасливо попятился, забыв и про обрез, и про нож. Какой там обрез, когда тут – тако-ое!

«Нечистая! Как есть – нечистая!»

Гунявый ждал смерти, но графиня его не тронула. Пробормотала что-то неразборчиво, взмахнула рукой, как делал когда-то давно ярмарочный

фокусник, и… И настоящий ураган завертелся под окнами усадьбы, как раз в том месте. Мощный всесокрушающий смерч, какой раньше Гунявый видал только на картинке в мартовском номере журнала «Вокруг Света» за тысяча девятьсот двенадцатый год! Журнал тот он выпросил как-то у заезжего охотника на пыжи, читать не читал – не шибко-то был грамотен, – а картинки рассматривал и даже подпись попросил сельского писаря грамотея прочесть: «Торнадо в Северо-Американском штате Техас». И вот здесь, во дворе графской усадьбы, именно это сейчас и было – торнадо!

Исполинской силы вихрь подхватил налётчиков, поднял в воздух, закружил, словно осенние листья, и понёс куда-то далеко-далеко… Впрочем, не дальше Тёмного озера, куда – прямо в воду – и сверзились все трое.

А выплыл потом один – Гунявый.

Пожалела его ведьма, не сгубила…

* * *

– Так вот ты какое, бесплатное муниципальное жильё для молодого специалиста… – Лера ещё раз проверила правильность адреса, убедилась, что напечатанные в ордере название улицы и номер полностью совпадают с содержимым ржавой таблички на углу дома, вздохнула, вернула документы в сумочку, медленно въехала в ворота, сняла мотоциклетный шлем и прищурилась: – Нет, я понимаю, что бесплатно полагается только сыр в мышеловке, но это… это…

Подходящее сравнение пришло на ум секунд через пять.

– Это ведь уже съеденный сыр! И переработанный.

Однако оценить её остроумие никто не смог – во дворе старого строения девушка была совершенно одна.

– И, возможно, не один раз переработанный!

Лера ещё раз вздохнула, поморщилась, перевела взгляд на кривую берёзу, зачем-то выросшую слева от дверей подъезда, и неожиданно подмигнула ей:

– Что скажешь?

Берёза прошелестела листьями невнятный ответ и застеснялась. Судя по всему, ей впервые предложили принять участие в дискуссии о достоинствах здания, и слов элементарно не нашлось. Впрочем… Какие уж тут слова…

Старый четырёхэтажный дом, с горбатой крышей и чёрными проёмами окон, чем-то походил на гроб или на выбросившегося на берег кашалота.
Или на выбросившегося на берег кашалота в гробу. Казалось, что угрожающе нависающее над узеньким двориком здание готовится рухнуть на него, заполнив гнилыми обломками, и лишь выбирало подходящий момент, чтобы обеспечить как можно больше жертв и разрушений.

Дом выглядел опасным, тревожный шелест кривой берёзы лишь подтверждал это ощущение, но деваться было некуда – ордер предписывал селиться, и девушка нехотя слезла с ярко-розового скутера.

– Home, sweet home… чтоб тебя… Посмотрим, каков ты изнутри…

Как выяснилось – не лучше, чем снаружи.

Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, Лера безрадостно взглянула на грязную пластмассовую табличку с номером квартиры, на всякий случай постучала в обитую рваной клеёнкой дверь, ответа, ожидаемо, не дождалась, вытащила из сумочки выданные городской администрацией ключи, и…

Что-то прошмыгнуло под ногами. Крыса?

Маленькое, тёмное, подвижное… В меру дерзкое.

Девушка отпрыгнула от двери, постояла немного, успокаиваясь и пытаясь разглядеть, куда именно отправился шустрый зверёк, затем торопливо открыла квартиру – замки, как ни странно, оказались новыми, – прошла внутрь и щёлкнула выключателем.

В коридоре ничего не изменилось.

– Жильцы забрали с собой люстру? – криво усмехнулась Лера.

Но через секунду ей в голову пришло другое объяснение.

Девушка осторожно вышла в коридор, добралась до распределительного щитка, закрытого не замочком, а всего лишь небрежно стянутой проволочкой, и включила автомат.

В квартире тускло вспыхнула висящая на голом проводе лампочка. Сорокаваттная. Пыльная.

– А жизнь-то налаживается, – с иронией произнесла Лера, вернувшись в квартиру.

И, не удержавшись, бросила взгляд на своё отражение, появившееся в потемневшем от старости зеркале древней прихожей.

С удовольствием посмотрела.

В меру высокая, но не длинная, стройная, но не тощая, соразмерная, красивая… Никаких сомнений – красивая. Глазастая и улыбчивая обладательница прелестных ямочек на щеках и роскошной гривы чёрных, как смоль, волос, Валерия Викторовна Кудрявцева привлекала внимание всюду, где появлялась, а очевидная примесь восточной крови добавляла девушке пьянящего, нездешнего шарма.

Улыбнувшись и чихнув от поднятой пыли, Лера протиснулась мимо выставленного в коридор шкафа, выглядевшего настолько ветхим, что прикоснись – развалится, третьим и последним ключом со связки отперла дверь в комнату, но сразу её не открыла, постояла, словно пытаясь представить, что её ждёт впереди, пробормотала:

– Надеюсь, уборка займёт не больше недели…

И лишь после этого распахнула скрипучую дверь.

Комната оказалась непомерно узкой, походящей на пенал и навевающей мысли о раскольниковских стенах, что «души и ум теснят». Потрескавшийся линолеум на полу, возможно, ветеран линолеумной промышленности, первый рулон, сошедший со стропил линолеумной фабрики… или откуда они там выкатываются? В общем, старый. На стенах – его ровесники-обои, выцветшие до полной блеклости, украшенные кое-где подозрительными потёками. Слева – продавленный диван, щедро оставленный предыдущими жильцами, в связи с полной своей никчёмностью, рядом с ним – кухонная табуретка, на которой пылилась превращённая в пепельницу консервная банка. Выкрашенная в гнусно-коричневый цвет батарея источала леденящий холод.

Комната наваливалась, сдавливала плечи и вообще походила на хищную пасть! Лера ощущала это почти физически, первым порывом девушки было броситься прочь, но… но ведь жить-то где-то надо. В конце концов, это же временно всё, обещали же отдельную благоустроенную квартиру – по закону положено.

Справившись с желанием послать всё к чертям собачьим и проснуться, девушка подошла к окну, раздвинула старые, плотные и тяжёлые, словно сшитые из фанеры, шторы и попыталась открыть створки… Безуспешно. В целях борьбы со сквозняками или просто в неизвестных целях рама оказалась забитой гвоздями.

– Интересное кино…

Пробормотала и тут же обернулась – из коридора донёсся едва различимый скрип.

– Кто здесь?

Тишина.

«Показалось?»

Показалось, что старая квартира и весь старый дом замерли в ожидании? Что притаились, наблюдая за тем, как среагирует на происходящее новая жиличка. И кривая берёза – гадина! – оказалась с ними заодно, потому что в тот самый миг, когда девушка уже убедила себя в том, что никакого скрипа не было,

в окно крепко стукнула потревоженная ветром ветка.

– Ай! – вскрикнула от неожиданности Лера, поворачиваясь спиной к двери.

И тут же её слух резанул жуткий скрип из коридора.

Наглый. Царапающий.

– Не подходите!

В дверях возникла неясная фигура с топором в руках.

– Не трогайте меня!

Перепуганная девушка схватилась за табуретку…

* * *

– Сулейман? – переспросила администраторша, с подозрением разглядывая стоящего у стойки регистрации мужчину: невысокого, полного – но не толстого! – черноволосого и носатого. В дорогом костюме и с золотыми часами на запястье. Мужчина планировал занять лучший номер лучшего отеля Озёрска – «президентский» люкс, – оплаченный на месяц вперёд, однако содержание предъявленного паспорта вызвало у строгой администраторши определённые сомнения: – Сулейман?

– Сулейман, – жизнерадостно подтвердил носатый и обаятельно улыбнулся: – Для друзей – Суля.

Однако растопить холодное женское сердце с кавалерийского наскока не получилось.

– Сулейман? – продолжила администраторша, прищуриваясь, словно целясь из «маузера». И на мгновение показалось, что в тишине холла ненавязчиво щёлкнул снятый предохранитель.

– Сулейман.

– Вы?

– Я, – с достоинством кивнул невысокий. Он уже понял, что от улыбок толку не будет, и решил сменить манеру поведения. – Сулейман Израилович Кумарский-Небалуев. А в чём проблема?

– Русский?

– Нет, чёрт возьми, азер… – мужчина даже чихнул от негодования, – азербайджанец!

– А почему у вас паспорт наш? – осведомилась женщина, услышавшая только последнее слово и не имевшая, по всей видимости, представления о том, что такое ирония.

И тем повергла Израиловича в кратковременный ступор.

– Откуда у вас наш паспорт?

– Потому что я русский, голубушка, – пришёл в себя Сулейман. – Неужели по фамилии не понятно?

– По какой из них?

– По обеим.

– А если непонятно?

– Тогда перечитайте.

– Зачем вы меня путаете?

– А вы что, полиция?

– Нет, но могу вызвать.

– Так вызывайте, и покончим с этим! – трагическим тоном предложил носатый и встал в позу. – Пусть! Пусть вся страна с негодованием узнает о тех невыносимых страданиях…

– Я думал, вы уже в номере, – уныло сообщил подошедший к стойке молодой человек, тоже в костюме, но не таком шикарном, как на Сулеймане Израиловиче. – Думал, вы принимаете душ…

– Из меня эту самую душу вынимают! – трагически сообщил Кумарский-Небалуев, прикладывая руку ко лбу. – Меня мучают…

– Понятно. – Молодой человек повернулся к администраторше и сделался унылее прежнего. – Ну-с, любезная Августина Ксенофонтовна, чем вам не угодил наш гость?

Молодого человека, судя по всему, в гостинице хорошо знали. Услышав вопрос, неприступная прежде администраторша перегнулась через стойку и негромко, но веско поведала:

– Подозрительный у него паспорт, товарищ Пихоцкий, имя-фамилия вызывают естественные подозрения. Надо бы проверить.

Интонации выдавали в женщине опытного осведомителя различных органов и комиссий, возможно, даже потомственного, однако унылый молодой человек ухитрился развеять её неприступность всего четырьмя словами:

– Личный гость господина Чикильдеева.

После чего развёл руками, показывая, что и рад бы выслушать соображения столь опытного администратора во всех подробностях, да смысла не видит, и повернулся к скучающему носатому:

– Приношу извинения, Сулейман Израилович. Честное слово: не ожидал.

– Зато здесь, наверное, безопасно, – сменил гнев на милость Кумарский-Небалуев. – Мышь не проскочит.

– Мышей у нас нет, – зачем-то поведала администраторша.

Мужчины внимательно оглядели её, кивнули, после чего Пихоцкий уныло продолжил:

– Ваш автомобиль у дверей. Вот ключи, документы и доверенность. Анисим Андреевич ждёт вас на объекте после обеда. Обедать рекомендую в ресторане при отеле: кухня хорошая, готовят быстро. После встречи покажу вам другие местные заведения.

– С плохой и медленной кухней?

– У нас есть разные, – развёл руками Пихоцкий. – Выберете на своё усмотрение.

– Приятно, наверное, быть таким остроумным? – осведомился Сулейман.

– Умение вовремя пошутить раскрашивает жизнь яркими красками, – проскрипел унылый помощник Чикильдеева. – Может, всё-таки согласитесь взять шофёра?

– Нет, – качнул головой Небалуев. – Я люблю водить машину.

И направился к лифту.

Августина Ксенофонтовна смотрела ему вслед с прежними сомнением, а пальцы администраторши машинально ёрзали по столу так, словно поглаживали лежащий на нём «маузер».

* * *

– Ты, что ль, жиличка новая? – опуская топор, прошамкала старуха в чёрном платке и засаленном переднике, надетом поверх старого, расписанного жёлтыми драконами, халата. – А я – Агафья Михайловна Брауншвейг, соседка твоя сверху.

Соседка? Лера вопросительно подняла брови, намекая, что неплохо бы добавить подробностей. И опустить топор. И Агафья Михайловна, как ни странно, девушку поняла. Наполовину.

– Племянник у меня в исполкоме служит, вот и попросил помочь сироте. – Тёмные глазки смотрели из-под чёрного платка недоверчиво, пристально и, как показалось девушке, злобно. – По телефонному аппарату позвонил, предупредил, а мне что? Мне нетрудно. Мне даже весело.

Обликом – крючковатый нос, маленькие, глубоко посаженные глазки, коричневое и морщинистое до крайности лицо – старуха походила на Бабу-Ягу или ведьму, какими их рисуют в детских сказках. Однако первый испуг прошёл, и Лера видела, что перед ней обыкновенная русская бабушка…

Правда, с топором.

С другой стороны, возможно, в Озёрске именно наличие топора и является обязательным элементом для определения «обыкновенная бабушка»?
Или племянник, из исполкома позвонивший, попросил прихватить? Мол, жиличка новая, конечно, сирота, но холодное оружие, тётушка любимая, не забудьте, мало ли что…

– Красивая ты, – вынесла вердикт старуха, как следует побуравив соседку взглядом. – Прям как я в молодости.

– Спасибо, – пробормотала девушка, не уверенная в том, что услышала именно комплимент.

– А одеваешься плохо. Бедная, что ли?

Ответить Лера не успела.

– Сама вижу, что не богатая – богатую сюда не послали бы. Да и не стала бы богатая бесплатную квартирку просить или… – Старуха на мгновение задумалась. – Или стала бы? Богатые – они жадные… Помню вот, был у нас тут заведующий Райпотребкооперацией товарищ Кумаревич, Адольф Самуилович… Богатый был… И жадный. Его даже потом ещё посадить хотели, по линии КГБ,

значит, только он делся куда-то… – Агафья Михайловна на несколько мгновений задумалась, видимо, припоминая куда-то девшегося Адольфа, и неожиданно продолжила: – Только не такой уж он и жадный был, да… Духи дарил, чулки… Жениться обещал… – Показалось, или старушка действительно зарделась? Правда, не выпуская из рук топора. – А как пропал – так никакой свадьбы и не сладилось.

Лера деликатно кашлянула.

– Ты табуретку-то положь, положь, – опомнилась Агафья Михайловна. – На вот, топорик, без него-то окно не открыть.

– Гвозди топором вынимать? – удивилась девушка.

– Топором, топором… Зубы-то чай не железные?

– Зубами?

– Вот и я говорю: топором сподручнее. – И старушка резким движением протянула Лере инструмент. Та машинально схватила его, да замерла: в левой руке табуретка, в правой – топор. И, лишь увидев широченную ухмылку соседки, во все её оставшиеся пятнадцать, не более, зубов, сказала:

– Ты прям как «Рабочий и колхозница». – Пауза. – Только без рабочего пока.

Девушка смутилась и вернула табуретку на пол.

– Или не умеешь гвозди топором вынимать?

– Всё я умею, – хмуро бросила Лера.

После чего осмотрела раму, вставила лезвие в щель и навалилась на рукоять. По ушам резанул длинный скрип, но гвозди поддались, и фрамуга отворилась, впуская в затхлое помещение свежий августовский воздух, напоённый запахом яблок и трав.

– Молодец, крепкая, – одобрила старушка. – Ты откуда у нас взялась?

– Из Тихвина, по распределению приехала, – брезгливо стряхнув налипшую на руки паутину, ответила Лера. – ИЗО в школе преподаю и МХК…

– Чего-чего?

– Рисование и… И рисование, короче.

– А?а?а… Ходил ко мне рисовальщик… – Судя по всему, Агафья Михайловна была одинокой, давно одинокой, и пользовалась любой возможностью для разговора. – Афиши в Дом культуры рисовал про кино и концерты разные. Но непутёвым оказался – пьющим. В общем, прогнала я его.

– И правильно.

– Знаю.

Старушка строго посмотрела на девушку, но та ответила предельно твёрдым взглядом, надёжно подтвердившим, что она, товарищ (или госпожа) Кудрявцева, не какой-нибудь рисовальщик и путь свой отлично знает.

И путь сей был сопряжён со средним российским образованием.

– Учительница, значит?

– Ага.

– Грамотная…

– Ага.

– Молодая…

– Как видите.

– Вижу я, что берёзу надо давно спилить, – пробурчала старуха, кивая на кривую знакомую Леры. – Совсем из-за неё темно.

– Да пусть растёт…

– Мужиков водить будешь?

– Э-э… – Резкие переходы с темы на тему и так-то сбивали с толку, а этот вопрос и вовсе вывел девушку из равновесия. – А в Озёрске есть приличные?

– Искать надо, – улыбнулась старушка. – Я не нашла.

Она цокнула языком и, не прощаясь, направилась к выходу, легко помахивая прихваченным топором, Лере оставалось лишь развести руками.

А затем оглядеться, прикидывая, во что станет ремонт и что нужно купить, вздохнуть – до начала занятий оставалась всего неделя, – запереть все двери и тоже уйти, поскольку ночевать в своей новой обители девушке решительно не хотелось.

Выйдя из подъезда, она подняла голову – тёмное окно комнатушки показалось жуткой беззубой пастью, старческой пастью, – и вдруг почувствовала спиной чей-то взгляд, резко обернулась…

И никого не увидела. Маленький дворик пустовал, и лишь постукивающие по стеклу ветки оживляли его тишину.

И пустоту.

– Город маленький, а пытается вести себя как большой, – тихонько произнесла Лера.

Озёрск прищурился, но промолчал.

А девушка улыбнулась, довольная тем, что беззлобно поддела своё новое обиталище, надела шлем и завела скутер… Точнее, не скутер, а натуральный отечественный мотороллер «Вятка» выпуска одна тысяча девятьсот семьдесят

восьмого, купленный пару лет назад на блошином рынке в состоянии «металлолом», заботливо восстановленный и выкрашенный в гламурный ядовито-розовый цвет, так, что мотороллер стал походить на легендарную итальянскую «Веспу», с которой, собственно, когда-то и был скопирован.

Запустив двигатель, Лера уселась в седло и, мягко отпустив сцепление, покатила в гостиницу. Привычно привлекая внимание прохожих: мужчин – ладной фигуркой на приметном скутере, женщин – тем же, только чувства получались иными. Однако Лера с той же привычностью не обращала внимания ни на приветливые взгляды, ни на завистливые, полностью увлечённая одной-единственной мыслью: успеет ли она устроить ремонт до начала учебного года?

* * *

– Нет, конечно.

– Что «нет»?

– А вы рассчитывали на «да»?

– Что «да»?

– А что «нет»?

Пауза, во время которой собеседники недоумённо смотрят друг на друга, после чего следует логичный, а главное – своевременный вопрос:

– Вы сейчас о чём спрашиваете?

– А вы о чём говорите?

– О проекте.

– И что вы сказали о проекте?

– Я сказал, что всё, связаное с архитектурными планами, идёт не так, – категорически заявил Сулейман Израилович. – Не будь я Кумарский-Небалуев.

И топнул ногой.

Анисим вздохнул.

И посмотрел на Пихоцкого. Пихоцкий изобразил на лице уныло-доброжелательное намерение исполнить всё, что будет указано, но подсказывать ничего путного не стал. Прораб, Василий Данилович Шишкин, тоже не горел желанием общаться с бушующим архитектором, и в разговоре в очередной раз возникла пауза.

А происходил разговор в эпицентре обширной строительной площадки, ещё не грязной, не раскопанной, но уже размеченной и огороженной, оснащённой бытовками для строителей и многочисленным парком техники. При этом южная сторона площадки упиралась в стоящую в лесах усадьбу графов Озёрских, которой суждено было стать ключевым зданием будущего комплекса «Озёрский дворец» – круглогодичного курорта, созданием которого известное семейство Чикильдеевых загорелось настолько сильно, что руководить проектом был поставлен лично Анисим Андреевич – старший сын и главный наследник. Замысел был грандиозным: главное здание, коттеджи в лесу, спортивный комплекс, аквапарк с бассейном олимпийского размера, яхт-клуб… С деньгами тоже проблем не возникло: нашлись инвесторы и в Питере, и в Москве. А вот реализация забуксовала: конкуренты подключили экологов, возник скандал областного масштаба, и пока его погасили, сезон оказался практически потерянным: тяжёлая техника вошла на площадку в самом конце августа.

И тогда же в Озёрск прибыл Кумарский-Небалуев – наблюдать и присматривать.

И высказывать претензии.

– Я далеко не молод, Анисим Андреевич, но полон сил и энергии и не хочу, чтобы ваш прекрасный дворец стал последним объектом в моей потрясающей карьере. А он может стать! И не надо возмущаться, вы можете войти в историю как основатель ещё одного Болонского собора… Вы слышали о Болонском соборе? Его строят уже пятьсот лет и вряд ли достроят в обозримом будущем! И ваш дворец…

– Мы справимся, Сулейман Израилович, – примирительно произнёс Чикильдеев. – Я даже инвесторов убедил…

– Ха! Инвесторы! Инвесторы люди простые: спрятали сюда капиталы и довольны. Мы говорим обо мне! О…

Унылый Пихоцкий принялся тереть один рукав пиджака другим, как будто счищая прилетевшую грязь, глаза прораба остекленели, словно у солдата в строю, Анисим же снова вздохнул и подумал, что архитектора нужно было брать другого. Пусть даже более дорогого… Пусть даже втрое дороже.

Кумарскому-Небалуеву сказочно повезло, что руководителем проекта стал Анисим Андреевич Чикильдеев. Выпускник Санкт-Петербургского университета предпочитал иную, нежели его знаменитый на всю область отец, манеру общения, умел находить и общий язык, и компромиссы, благодаря чему и добивался своего. Пусть, может, не так быстро, как Чикильдеев-старший, зато без репутационных потерь.

Что же касается модного столичного архитектора – который и в самом деле создал замечательный проект, – то Анисим достаточно его изучил и пропускал ненужную трескотню мимо ушей.

А вздыхал исключительно от того, что времени было жалко.

– Если погода будет – многое успеем до зимы, – вступил в разговор прораб. – Техники достаточно, народ работать готов, проект…

– Проект идеальный.

– Проект у нас есть, – произнёс Василий Данилович, покосившись на архитектора, и закончил: – Главное, чтобы охрана пьянство пресекала, потому что людей намного больше, чем планировали, и люди разные.

– Пихоцкий!

– Записал, – доложил Чикильдееву секретарь. – Поленному поставлю на вид.

Спиридон Спиридонович Поленный руководил охраной строительства, однако в производственных совещаниях участие принимал редко.

– И чтобы зарплату вовремя платили.

– За это я ручаюсь, – кивнул Анисим.

– На фундаменты, земляные работы и коммуникации я кладу месяц, – продолжил Василий Данилович. – Ну, может, ещё пару недель в октябре прихватим. Так что в зиму уйдём с минимальным отставанием от первоначального плана.

– Очень хорошо, – усмехнулся Сулейман. – Очень надеюсь.

Сколько Сулир себя помнил, он всегда любил строить. С самого детства. Сначала это были куличики в песочнице, на которые родители шумно умилялись и даже фотографировали на память; в школе пришло увлечение моделированием, но не кораблей-самолётов, а зданий и сооружений, на что Сулир-старший, уважаемый представитель ювелирной ветви санарахских Кумаров, уже посматривал косо; а когда последнее лето детства Сулир провёл в далёкой деревне, бесплатно помогая родителям друга строить дом, Сулир-старший окончательно вышел из себя. Он весьма серьёзно поговорил с сыном, упирая на бесперспективность увлечения физическим трудом в целом и безнравственность бесплатной работы в частности. В заключение беседы отец осведомился о дальнейших планах отпрыска, услышал «Архитектурный…» вместо желаемого: «Папа, я мечтаю пойти по твоим стопам…», тяжело вздохнул, но спорить не стал. И после школы счастливый Сулир Кумар отправился учиться строить. Причём учился с огоньком и азартом, каковых никогда бы не появилось, занимайся Сулир Кумар нелюбимым делом – такой уж он был человек. Точнее – шас.

Окончив институт, молодой специалист несколько лет поварился в суровом строительном котле на общих основаниях, набираясь опыта и сноровки, после чего выклянчил у отца аванс наследства под небольшой процент, основал бюро имени себя и отправился в свободное плавание. И здорово преуспел, заполучив и блестяще исполнив несколько сложных проектов в Москве, Питере и Краснодаре.

Но, даже достигнув успеха, Сулир не изменял семейной традиции, не отказывался от работы, если за неё хорошо платили, и потому никто не удивился, узнав, что маститый архитектор согласился создать современный курортный комплекс на основе старинной усадьбы графов Озёрских…

– Как вам город? – светским тоном поинтересовался Анисим, поняв, что вспышка архитекторского характера улеглась, остальные вопросы Кумарский-Небалуев решит с прорабом в рабочем порядке, и нужно перевести разговор на нейтральную тему. – Красивый, правда?

В прошлый, в первый свой приезд на объект Израилович жил в усадьбе, измеряя, обмеряя, проверяя, прикидывая и изводя окружающих бесконечными жалобами на отвратительные условия существования и комаров. На этот раз он выбрал город, объяснив, что никогда не живёт на стройплощадке, и… Анисим ожидал услышать поток перемешанных претензиями жалоб, но Сулейман, к огромному удивлению окружающих, ответил необычно мирно:

– Хороший город, только маленький.

Несколько долгих секунд прораб, Пихоцкий и сам Чикильдеев таращились на архитектора, думая при этом одно: «Похоже, устал с дороги…», после чего Анисим неуверенно протянул:

– В этом его прелесть.

– К тому же Пихоцкий указал только одно место, где можно вкусно поесть, – капризным тоном сообщил Небалуев. Похоже, он постепенно приходил в себя.

– На самом деле их три.

– Очень надеюсь…

– Есть и четвёртое, только оно в лесу по Тихвинскому шоссе.

– В лесу, значит, далеко.

– Для вашей машины далеко не существует.

И все посмотрели на здоровенный гражданский «Тигр», рядом с которым архитектор казался не выше домкрата. Эта мысль пришла всем, но никто её не озвучил. А Кумарский отвернулся и оглядел застывшие в ожидании бульдозеры и экскаваторы.

– За земляные работы не волнуйтесь, Сулейман Израилович, успеем, – заверил его Василий Данилович, которому очень понравилось обещание вовремя платить зарплату.

– Да, – думая о чём-то своём, произнёс архитектор. – Мы тут всё разроем…

* * *

Гудение.

Гнусное, противное, режущее уши гудение раздавалось всякий раз, когда открывалась ЗНАЧИМАЯ дверь. То есть дверь, нормальное положение которой – закрытое. То есть дверь, способная вывести на свободу…

Вожделенная дверь.

Гудение.

Раньше в гудении всегда слышалась надежда, а сейчас оно означало для Газона исполнившуюся мечту. Надежда обернулась обыденной и немного нудной бюрократической процедурой освобождения.

– Сигизмунд Феоклистович Левый…

– Гражданин начальник, мы ведь уговаривались – Газон, – умильно улыбнулся уголовник.

– Не сейчас, – отмахнулся полицейский. – Сейчас по протоколу.

– Как скажете.

– Сигизмунд Феоклистович Левый?

– Совершенно верно.

– Согласно постановлению… – Офицер зевнул, огляделся и, убедившись, что кроме них в комнате никого нет, о протоколе забыл. – В общем так, Газон, с этого момента ты свободен, как ветер, и считаешься искупившим данное преступление.

– В котором невиновен был с самого начала.

– Распишись за шмотки.

– Это мы завсегда с удовольствием. – Сигизмунд чиркнул завитушку, схватил коробку с вещами, вытащил из неё красную бандану, сорвал с лысой головы и бросил под ноги ту, что украшала его до сих пор, и блаженно ощерился: – Настоящая!

– Чистая? – с иронией осведомился полицейский, которого слегка засвербило от вони из коробки с вещами.

– Домом пахнет.

– А-а…

– Вы её не стирали?

– Побоялись хозяйственный блок отравить.

– Это хорошо…

В недавнем прошлом заключённый, а теперь – свободный гражданин Левый выглядел весьма живописно, даже будучи облачённым в серую арестантскую робу и грязную майку.

Невысокий, но подвижный и необычайно жилистый, крепкий, с довольно длинными руками, Газон походил на бритую наголо обезьяну, поскольку не только на голове, но и на всём его теле – на видимых, во всяком случае, частях – не наблюдалось ни единого волоса. Зато в глазах рябило от разнообразных татуировок: символы, руны, узоры, надписи на непонятных языках, драконы и другие чудовища настолько плотно облепляли кожу господина Левого, что он казался одетым даже без майки.

– Я, эта, переоденусь?

– Обалдел, что ли?! – возмутился полицейский. – В туалете переоденешься. Проваливай.

– Ага… – Почти освобождённый гражданин придирчиво оглядел скомканные в коробке пожитки, после чего осведомился: – А тама ещё ножик был. Большой такой…

– Холодное оружие изъято ввиду отсутствия разрешения.

– Ввиду, не введу… А у меня ещё бутылка виски должна быть… – Левый задумался. – Наверное, недопитая.

– Не было. Что было – всё отдал.

– Зажал бутылку?

– Ты за кого нас принимаешь – за уголовниками допивать? – Брови полицейского сошлись на переносице. – Проваливай!

– Прощевайте, гражданин начальник.

– До встречи.

…На зону уйбуй Красных Шапок Газон Дурич угодил, как, впрочем, и полагалось в клане, по-дурному: спалился на краже из привокзального ларька, в котором и красть-то было нечего, просто уж больно удачно был он расположен:

в местечке тёмном и не особенно людном. А за нешибко толстым стеклом ларька притягательно поблёскивали толстые глянцевые журналы «для мужчин», обложки которых вопреки и федеральным, и муниципальным законам не прикрывала непрозрачная плёнка, заслоняющая собой грудастых девок, именуемых, словно машины, «моделями».

Эти-то вот журналы уйбуя и привлекли.

Как-то шёл мимо, хорошо на грудь принявши, да и прельстился… ещё и подходящий кирпич, зараза, невдалеке от ларька валялся. Ну, и что тут поделаешь, коли так удачно сложилось всё? Хватанул Газон кирпичом по витрине – только осколки посыпались. Толстая ларёчница с визгом в дверь выскочила – и бежать! Уйбуй же торопливо выгреб из кассы деньги – получилось меньше двух сотен, – ухватил вожделенные журнальчики, развернулся… и тут же получил по лысой башке дубинкой от подоспевшего патруля. Так и сложилась у Шапки недолгая поездка в зону общего режима.

Переодевшись «в родное»: чёрные кожаные штаны, футболку и кожаную жилетку, Газон вышел за ворота колонии, постоял, переваливаясь с носков на пятки и озираясь в поисках лавки или магазинчика, не нашёл, смачно выругался, показал ни в чём не повинным воротам неприличный жест и медленно двинулся к автобусной остановке, попинывая мелкие камушки и обдумывая, как жить дальше. В карманах кое-что звякало: Родина обеспечила уйбуя не только изоляцией от общества, но и нудной работой и честно расплатилась со страдальцем, так что на бутылку (а то и две) виски и на дорогу до Москвы вполне хватило бы. И именно этим – построением приемлемого маршрута – Шапка и занимался со всей доступной ему серьёзностью.

– Значит, надо выпить. Потом поехать… Не, ща выпить не получится, значит, надо доехать туда, где выпить, а потом поехать снова…

Алкоголиком Газон не был, просто в силу генетических особенностей для полноценного функционирования мозгам Красных Шапок требовался алкоголь, идеально – виски, поскольку от водки дикари становились буйными, вот уйбуй и прокладывал кратчайший маршрут к точке продажи вожделенного напитка.

– На машине, наверное, надо поехать, но угонять нельзя…

Он остановился у покосившегося голубого навеса, по складам прочитал расписание автобуса, посмотрел на возвращённый ему телефон, выругался, увидев, что аппарат за полгода разрядился, попытался определить время по солнцу, снова выругался и замер, привлечённый едва заметным движением в ветвях соседствующего с остановкой дерева.

«Белка?»

Несколько секунд Газон не шевелился, а затем подхватил с земли камень размером с детский кулак и метнул его в цель, продемонстрировав знаменитое умение Красных Шапок в кидании – некогда дикари считались лучшими пращниками планеты.

Белка сорвалась с ветки, злобно мяукнула и порскнула в кусты.

– Значит, не белка, – глубокомысленно заметил уйбуй. – Кошка, значит. А ежели, допустим, была бы белка, то я, значит, мог поручиться, что тёмным вмазал смело…

Однако насладиться воображаемой победой над навами у Газона не получилось: к остановке подъехал маршрутный «пазик», и дикарь полез в салон.

* * *

Невдалеке от железной дороги, у старой гати, что выходила со стороны Чёрного болота в лесок, обосновалась компания рыбаков: трое мужичков лет под шестьдесят, в сапогах, кепках и ватниках, которые пока, по дневному теплу, были скинуты и ждали ночного часа, когда от воды пойдёт августовская, почти осенняя прохлада.

Вещи мужики кинули у гати, однако ловили неподалёку, в старице. С утра тягали рыбины одну за другой, радостно кидая сверкающий чешуёй улов в ведёрки и соревнуясь в добыче, но ближе к обеду клёв кончился, с час уже, если не больше, пополнения в вёдра не поступало, и вместо весёлого смеха да шутливой похвальбы потянулся над водой неспешный разговор. Сначала,

как водится, о международном положении и о том, что «раньше было лучше», но постепенно перешли на вещи близкие и понятные: дети, внуки, что к зиме будет и обо всём, что всех касается.

– У меня Анисим двух механизаторов увёл, – сердито сообщил Иваныч, бывший председатель совхоза, а теперь – сельскохозяйственной фирмы.

– Совсем? – осведомился Михалыч, старинный его приятель из города.

– Сначала думал, что совсем. Потом поехал к нему, говорю: «Что же ты делаешь, стервец? У меня ведь осень! Самая страда!» Он вроде смутился. Сказал, что больше пока не будет.

– Так и сказал: «стервец»? – не поверил Петрович, счетовод.

– Так и сказал, – кивнул Иваныч. – Я ведь его ещё мелким помню. Бегал тут…

– Папаше его так не скажешь.

– Угу.

Помолчали.

– Деньгами сманивает? – уточнил Михалыч, пока мысли о богатстве Чикильдеева-старшего не ввергли мужиков в тоску.

– Да, чтоб его, – подтвердил Иваныч. – Ему курорт строить надо.

– Сейчас не отпустишь, мужики зимой пойдут.

– Зимой я к нему и сам сходил бы, – не стал скрывать тот. – На такие-то деньги.

– Плиточником?

– Да. Или бригадиром.

– Зимой к нему много народу пойдёт, – хмыкнул Петрович. – Деньги неплохие, да и рядом совсем. За зиму мы ему старый дом отремонтируем, а к следующей зиме он новые корпуса поставит.

– И мы опять к нему.

– Вот-вот.

Перспектива двух подряд удачных зим заставила мужиков заулыбаться и помолчать, прикидывая, что они будут делать с заработанными деньгами.

Но Михалыч по обыкновению всё испортил.

– О волке слышали? – осведомился он, прервав мечты на том самом месте, где до выданной Анисимом получки никак не может добраться жена – руки коротки.

– Слышали, – ответил помрачневший Иваныч.

А Петрович даже огляделся, без слов подтвердив, что и слышал, и относится к информации очень серьёзно.

– И что думаете?

– Взбесился зверь. Бывает.

– Только егеря говорят, что не может у нас волка быть, – прищурился Михалыч. – Ушли они сейчас.

– Взбесился, – повторил Иваныч и слегка пожал плечами.

– А кто, если не волк? – спросил Петрович, медленно сматывая леску. – Оборотень? Так это сказки.

– Может, и так.

– И не полнолуние сейчас.

– Если оборотень сказки, то и полнолуние тоже, – заметил Михалыч.

Мужики замолчали.

Первое тело обнаружили десять дней назад в лесу, на самой границе района. Растерзанный настолько, что его до сих пор не опознали, несчастный выглядел так, словно над ним поглумилась целая стая голодных волков. Эту смерть ещё можно было списать на зверей, но обнаруженное вчера тело питерского велосипедиста, путешествовавшего в одиночестве по красивым озёрским местам, вызывало совсем другие вопросы. Никогда, даже в самые страшные годы, волки так близко к городу не подбирались. Ну, разве что в двадцатых, может, когда тут черт-те что творилось, а так – нет. Грешить на собак? Да вроде нету под Озёрском диких стай…

Вот и получалось – загадка. И не простая, а с кровью, что народу очень не нравилось.

– Ну, мужики, напоследок – и ужинать! – Иваныч поплевал на червя, закинул удочку, чуть повёл её и тут же, слегка удивлённо, воскликнул: – Кажись, есть!

Напряглась, натянулась леска, и удилище выгнулось дугой…

– Неужели сом?! – ахнул Михалыч.

– Сом не сом… – Иваныч нахмурился. – Чего стоите, раззявы? Помогните-ка!

Прихватив палки – оглоушить рыбину! – мужички проворно бросились в воду, правда, в глубину не пошли, встали у самого омутка, наготове.

В тёмно-коричневой железистой воде явно что-то было, не сом, так наверняка щука, и щука увесистая, килограммов на десять!

– Тащи, тащи, Фёдор Иваныч, тащи! Осторожнее!

– Подсекай, подсекай! Оп?па!!!

Что-то выскользнуло из глубины неожиданно легко, так, что счастливый рыбак едва не завалился на спину. Не завалился – вытянул, глянул… и изум-лённо выругался:

– Вот те в бога душу ма?а-ать!!!

Улов оказался не сомом и не старой увесистой щукой, а мёртвым телом, щуплым и белым. И недавним, поскольку рыба ещё не обглодала лицо.

Михалыча стошнило. Петрович перекрестился, потом выругался, а потом, подчиняясь приказу Иваныча, воткнул в дно палку, чтобы тело не унесло в воду.

А сам Иваныч склонился и прищурился, глядя на две ранки на шее утопленника:

– Эвон, какие… Змея укусила, что ль?

– Да где ты таких змей-то видал? – осведомился Петрович, покосившись на ещё маявшегося тошнотой Михалыча. – Видать, рыбина…

– Может, и так. – Иваныч тоже перекрестился и достал телефон. – Участкового надо звать, вот что!

* * *

Она была красива?

Кто-то восхищённо скажет: «Очень!», кто-то помнётся и потянет: «Да, но…», но никто – никто! – не посмел бы назвать Эльвиру некрасивой. Разве что своеобразной.

Её немного портил нос, выросший чуть больше, чем следовало, но всё остальное было выше всяких похвал. Высокие скулы, большие зелёные глаза, в которых всегда горел огонь, пухлые губы, кудрявые светлые волосы и точёная, восхитительных форм фигурка.

Эльвира не просто привлекала внимание – она завораживала. Без всякого волшебства, исключительно внешностью, притягательной энергетикой, но… Но при желании девушка могла использовать и пару-тройку запрещённых приёмов, поскольку сила её значительно превосходила возможности обыкновенных людей. Но эту силу требовалось время от времени подпитывать…

– Какой же выбрать? – Вопрос был риторическим, поскольку стоящие перед девушкой серебряные кувшинчики – маленькие, дюйма три в высоту, не больше, – выглядели абсолютно одинаково, не отличаясь один от другого ни внешним видом, ни наполнением. – Эники, беники, ели вареники…

Закончив считалку, Эльвира взяла выбранный кувшинчик, чуть погрела его в руках, улыбаясь и думая о чём-то приятном, затем аккуратно подцепила ногтем крышечку, опустила на горлышко кувшина ладонь и закрыла глаза, с удовольствием принимая тёплую волну силы. Впитывая магическую энергию, поднимающую её высоко над толпой, над серым стадом челов, лишённых возможности прикоснуться к истинному волшебству.

– Хорошо…

Последняя капля силы проникла в ведьму, кувшинчик опустел, поток чарующего тепла иссяк, однако никакой грусти по этому поводу не появилось. Содержимое серебряного контейнера не растворилось без следа, а стало частью девушки, наполнило её бурлящей энергией, отголоски которой виднелись в горящих глазах.

Магия держала Эльвиру в восхитительном тонусе, раскрашивая жизнь сладкими красками.

– Пётр, я тебя слышу.

– Но не видишь.

– Захочу – увижу.

Мужчина тихонько рассмеялся.

Он появился бесшумно, как тень. Вышел на террасу с явной целью напугать сидящую в шезлонге девушку, но не преуспел. И не особенно расстроился.

– Искупаемся?

– Не хочу.

– Вина? – Он явился не с пустыми руками, принёс два бокала терпкого красного, и Эльвира кивнула:

– С удовольствием.

И сделала маленький глоток… Но только после крепкого поцелуя, которым Пётр сопроводил передачу бокала.

– Хорошо…

Арендованный ими дом находился милях в десяти от Озёрска и стоял на самом берегу Тёмного озера, так, что терраса могла служить и пирсом.
Дом располагался на отшибе, между густым лесом и водой, и это отпугивало многих потенциальных обитателей, но Эльвира и Пётр были не из робкого десятка.

И ценили уединение.

И сами могли напугать кого угодно.

– Я чувствую запах крови, – заметила девушка, вновь пригубив красное.

– Нет, – улыбнулся Пётр.

– Да.

– Нет.

– Да.

– Да, – сдался он, признав поражение в шутливом противостоянии. – Да.

– Не надо стыдиться своих поступков, – мягко произнесла Эльвира. – Я ведь не стыжусь.

– Я тоже.

– Тогда почему ты лгал?

– Ты не одобрила бы, – вздохнул вампир.

– Куда ты дел упаковку?

Она строго следила за тем, чтобы Бруджа не забывал об осторожности.

– Бросил в воду.

– Ну и правильно. – Девушка поставила бокал рядом с контейнерами и соблазнительно потянулась: – Теперь поцелуй меня.

– Я прекрасно понимаю твои опасения, Эля, – прошептал Пётр, охотно исполнив приказ. Поцелуй получился нежным, но не страстным – вампир не любил торопиться. – Этот шас…

– Мы его ждали, – пожала плечами девушка, ласково проведя пальцами по холодной щеке любовника. – Шасы помнят о каждой монетке, до которой не добрались, и всегда возвращаются.

– Верно… – Бруджа накрутил на палец длинный локон любимой. – Но почему он поселился в городе?

– Шасы любят комфорт.

– Или Кумар не верит, что тайник находится в усадьбе.

– Если бы не верил – не занялся бы перестройкой.

– Тоже правильно… – Рассуждения девушки выглядели весьма убедительно, однако уставший от неудач Пётр был полон сомнений: – И всё-таки меня смущает то, что Кумар выбрал город.

– Шас не помешает, – улыбнулась Эльвира. Её прикосновения становились всё более и более игривыми. – Мелкий торгаш…

– Может, убьём его? – Бруджа провёл холодными пальцами по плоскому животу девушки и прищурился на появившиеся мурашки.

– И тем привлечём навов? – Эльвира привстала, и её губы оказались у лица вампира. – Нет, любимый, давай обойдёмся без тёмных.

– Давай… – прошептал он, отвечая на поцелуй. На этот раз – страстный. – Давай…

* * *

Озёрский уезд, 1920 год, август

Выйдя на балкон, графиня машинально, привычным жестом погладила руками перила – старые и такие родные, напоминающие о том, что, увы, безвозвратно ушло. Ещё лет шесть назад здесь, на балконе, слуги по традиции подавали «пятичасовый чай» – муж, Александр Николаевич, блестящий офицер и аристократ, питал привязанность к «англичанству», обожая всякие «файв-о?клоки» и прочие приметы чужого Альбиона.

Как хорошо было тогда!

Как весело, как славно. Как пили чай, приглашали гостей – соседских помещиков или кого из города: Ивана Ильича Бобруйского, председателя правления местного отделения столичного банка, с супругой, мирового судью Иванова, молодого земского врача Дормидонтова, полицейского начальника Трутнева… да всех не перечесть. А как мужчины любили спорить! Соберутся вечерком за картами, и пошло-поехало. Что только не обсуждали: от Кромвеля

до денежной реформы Витте, от князя Владимира до последнего заседания Государственной Думы и гнусных выходок так называемых «революционеров», всяких там эсэров, эсдеков и прочей чумы, каковую в благословенные времена никто из собравшихся особо за угрозу не почитал – курьёз, не более. Хотя не так уж и давно отгремела погромами смута – с расстрелами демонстраций, с баррикадами в Петербурге и Москве, с забастовками, вылившимися во Всероссийскую стачку. Но тогда обошлось, Бог миловал. Из неудобств – какое-то время не ходили поезда. Что же касается местных мужичков, то они тогда бунтовали не шибко, покричали разок да разошлись, видать, не нашлось горлопанов-главарей. Правда, это Озёрским повезло, а вот пару усадеб всё ж таки сожгли… но соседи потом отстроились, зажили не хуже прежнего.

Новой беды не ждали – указом государя императора крестьянам отменили выкупные платежи, разрешили выходить из общины, хуторами жить, хозяйствовать… или – хочешь? – переселяйся в Сибирь, бери ссуду в Крестьянском банке. Нет, не ждали в уезде ни бунтов, ни революций, ни о каких большевиках и слыхом не слыхивали. И начавшуюся войну восприняли, как все, – с подъёмом патриотического духа. Кто ж знал, что она так долго продлится и вызовет полный распад?

Помнится, мировой судья Иванов, выражая всеобщее мнение, всё говаривал, мол, мужички бунтовать не будут, а немцев да австрияков мы очень скоро побьём – уже осенью наши казачки в Берлине гарцевать будут…

Погарцевали…

Как раз тогда, перед войной, последний раз приезжали сёстры. Они что-то предчувствовали – в Тайном Городе всегда хватало прорицателей, – но весьма смутно: быть может, потому, что надвигавшееся на мир несчастье оказалось всеобъемлющим и ужасным. Да и самой графине Юлии за делами было не до предчувствий: устроив в подвале лабораторию, фата ставила интереснейшие опыты, обещавшие вырасти в грандиозное открытие во славу Великого Дома Людь.

Опыты, основанные на изучении горячо любимого мужа – Александра Николаевича.

Ещё в детстве у графа обнаружилась странная болезнь: в минуты возбуждения глаза его наливались кровью, а вместо ногтей появлялись совершенно звериные когти, изогнутые и острые. Проявления эти Александр Николаевич контролировать не мог, и родителям приходилось прятать его от людей, но, к счастью, дальше когтей дело не заходило, и те вскоре исчезали.

Минули годы, граф вырос, но не оставлял попыток избавиться от недуга. Ездил в Петербург, советовался с известнейшими профессорами, удивлял их своими способностями, лечился водой, гипнозом и даже электричеством – ничего не помогало. Почти отчаялся, но один из эскулапов посоветовал Александру Николаевичу обратиться в Москву, к ведуньям, хихикнув, что «вы, мой милый друг, ничем не хуже государя императора», приблизившего ко двору то ли колдуна, то ли мошенника. Граф, несмотря на вольнодумную оговорку, совету внял, лекаря выписал и лично встречал его в Тихвине на вокзале, ожидая увидеть либо диковатого, заросшего бородищей мужика, пахнущего самогоном и навозом, либо монаха, либо – в крайнем случае – строгую, с поджатыми губами, старуху, похожую на злобную преподавательницу французского языка в женской гимназии.

Ожидал старуху, а встретил златовласую красавицу с обворожительным изумрудно-зелёным взором. Встретил – и без памяти влюбился. Прямо там, на перроне. Влюбился раз и навсегда.

Фата Юлия с недугом Александра Николаевича разобралась, без труда определив, что перед ней носитель гена метаморфа. Дело было за малым: объяснить графу ситуацию и сдать его Великому Дому, но… Но там, на перроне, фата тоже не осталась равнодушной, увидев вспыхнувшие глаза Александра. Забилось её сердце. И…

И, позабыв обо всём, Юлия бросилась в нахлынувшие чувства, словно в омут – безоглядно, – променяв завидную карьеру в Зелёном Доме на жизнь человской женщины.

Вышла замуж, родила дочь, Лану… Ей нынче исполнилось семнадцать…

Ах, право же, что за смутные настали времена! Быть может, пора возвратиться в родной Тайный Город? Сёстры примут, да. Тем более после гибели на Южном фронте мужа ничего более не держало Юлию в Озёрске… Кроме дела…

Кроме великих её исследований метаморфа, позволяющих – как надеялась графиня – раскрыть тайну этого вида челов и научиться создавать их искусственно. Исследованиям этим Юлия отдала всю свою жизнь в Озёрске и собиралась явиться в родной Дом не с пустыми руками, а с гордо поднятой головой победительницы. Не полукровку привести в чванливый круг сестёр, а зачинательницу нового рода, который станет опорой гордой Люди.

Лана, конечно, не прошла всех ступеней ученичества, однако с её способностями и благодаря методике, которая вот-вот появится, девочка сможет подняться высоко.

– Любуешься закатом, маменька?

Лана подошла сзади, обняла, прижалась к материнской щеке – красивая, юная, стройная. Золотистые, словно напоённые солнцем и мёдом волосы девушки были заплетены в косу, большие зелёные глаза смотрели на мать с нежностью и любовью.

– Ах, Лана, – улыбнулась графиня, – дело совсем не в закате, хотя он, не спорю, красив. Я просто вспомнила… кое-что из нашей прошлой жизни.

– Ну вот, – девушка вздохнула, усаживаясь в плетёное кресло. – Сейчас опять начнёшь вспоминать папу, плакать, грустить…

– Вспоминать – да, грустить – да, но не плакать. Не беспокойся, дочь, – это хорошая светлая грусть.

– Ты всё ещё ведёшь дневник, матушка? – Юная красавица кивнула на открытую тетрадь в синем коленкоровом переплёте, что лежала на небольшом столике, рядом с чернильным прибором.

– Нет, просто перечитываю… вспоминаю.

Графиня вдруг покраснела, словно провинившаяся в чём-то гимназистка, и, подойдя к столику, поспешно захлопнула тетрадь.

– Знаешь, мама. – Лана вновь поднялась на ноги, глядя, как тает за дальним холмом золотистое солнце. – Я всё хотела спросить – что мы будем делать дальше, как жить? То, что папа… – девушка на миг запнулась, покусала губу, – что папы больше нет – ты ведь это точно знаешь?

– Увы, да. – Графиня ласково погладила дочку по волосам. – Знаю. Точно. Ты забыла, кто я? И кто ты?

– Нет, почему же? Отнюдь! – Щёки девушки неожиданно зарумянились, словно от зимнего ветра, морозного и свежего, и слёзы сверкнули в уголках дивных изумрудно-зелёных глаз, коим посвящали первые свои стихи все окрестные гимназисты. – Я просто подумала… представила вдруг. Ведь будь папенька жив, мы б могли уехать в Крым, к Петру Николаевичу? Ведь могли бы?

– Да уж, пробрались бы, – усмехнулась Юлия. – Барон бы нас принял, да.

Лана шмыгнула носом, словно простой крестьянский мальчик:

– Но это если папа был бы жив. А так… Как ты думаешь, маменька, у наших… у белых совсем нет шансов? Я слышала, мне говорила тётушка Аксинья, кормилица, она вчера заходила, будто бы большевики сильно увязли в Польше, а Пётр Николаевич готовит серьёзное наступление.

– Откуда это может знать Аксинья? – Графиня удивлённо посмотрела на дочь. – Простая деревенская женщина. Добрая, очень порядочная, но… Откуда ей знать?

– Её племянник какой-то там начальник у большевиков, – негромко пояснила Лана. – Или служит где-то… я не знаю где. Ах, маменька! Да в кормилице ли дело? Я вот иногда думаю: может, всё вернётся? Всё станет как раньше? Вернутся слуги – кухарка, няня, конюх… будут, как прежде, собираться гости… пить чай… увы, без папы…

Девушка уткнулась графине в плечо и зарыдала.

– Ну, ну, полно, перестань, милая, – утешила дочь Юлия. Чувствуя, как подкатывает комок к горлу и как нужно, как необходимо утешение ей

самой. – Будет ли так, как прежде, не будет – это даже я не могу сказать, и вряд ли кто из прорицателей Великих Домов скажет. Ведь Смута! Всё оборвалось, рушится… Ну! Не плачь же, не плачь.

– Не буду. – Лана всхлипнула, вытирая глаза кулаком. – Ну, право, перестала уже. Просто если всё неопределённо, так лучше нам никуда и не уезжать. Может, Петру Николаевичу удастся, может, англичане, французы помогут… Ведь Деникину почти удалось! И – совсем недавно – Юденичу… Ведь мог бы взять Петроград, а? Ведь правда мог бы?

Графиня прикрыла глаза:

– Ах, Николай Николаевич… Такой забавный, усатый, чем-то похожий на доброго большого моржа. Он как-то гостил у нас, Аксинья угощала его деревенским самогоном… ты была ещё маленькой, не помнишь.

– Ты про кого, маменька?

– Да про Юденича, Господи. Говорят, очень талантливый генерал.

– И где он нынче?

– Ах, Лана, перестань, прошу тебя. Нынче никто не знает, что будет.

Палевые облака, снизу подсвеченные золотистым солнцем, медленно плыли по тёмно-голубому вечернему небу. Длинные тени росших у самой ограды лип протянулись через весь двор, к дому, к балкону, к мраморным ступенькам крыльца. В старинной – верстах в трёх от усадьбы, на крутом холме, – церкви Святого Архистратига Михаила, очень красивой, одноглавой, каменной, ещё не закрытой большевиками, внезапно ударил колокол. То ли звонили к вечерне, то ли так, кто-то баловал.

– А в Озёрске большевики школу открыли… – тихо протянула Лана. – Ну, бывшую мужскую гимназию. Говорят, теперь всех вместе – и девочек, и мальчиков – будут учить.

– Стыд какой! Надо же – вместе.

Потемнело и подурнело. Внезапно налетевший с Тёмного озера ветер принёс холод и туман. Девушка поёжилась, искоса взглянув на задумавшуюся о чём-то мать – такую же красивую, как сама Лана, и всегда молодую. Колдуньи Зелёного Дома жили по сто пятьдесят, а то и больше, лет – осень зрелости для графини едва наступила.

– Пойдём спать, маменька? Я зажгу свечи…

– Сколько их осталось? Поди, меньше дюжины?

– Восемь штук, маменька, – доложила Лана. – Но Владимир Раджитович обещал завтра привезти.

– Обещал он… Небось опять серебряные вилки попросит, – хмыкнула Юлия. – Выжига.

– Зато помогает… Что бы мы с тобой без него делали?

– Да уж…

Магазины исчезли, управляющий, который раньше заботился об усадьбе, сбежал, продукты большевики распределяли по карточкам, торговаться на рынке фата не умела, и потому явление шаса – Раджита Кумара – стало для Юлии настоящим спасением. Лишь благодаря ему женщины до сих пор вели привычный образ жизни, не только не голодая, но даже позволяя себе и вино, и сласти. Правда, шас требовал за свои услуги твёрдую плату, но фата вовремя позаботилась о фондах, ещё после Февральской, переведя средства из банков и бумажных ассигнаций в золото, камни и серебро, и теперь чувствовала себя достаточно уверенно.

Бандиты же усадьбу обходили – после нескольких неудачных налётов в их кругах пошла о графине дурная слава, и они искали жертв попроще. И потому «Серебряные колокольчики», которые плотным кольцом окружали поместье, давно не сообщали о прибытии нежданных гостей.

– Покойной ночи, маменька! – Лана поднялась с кресла. – Счастливых снов.

– И тебе… – Графиня махнула рукой и пробормотала уже вполголоса: – Холодает уже. Не забыть бы заказать шасу дрова.

– Кому заказать?

– Покойной ночи, доченька.

Графиня спала на втором этаже, в примыкающей к обеденной зале спальне, комната её дочери располагалась в мансарде, куда вела узкая лесенка, тёмная и крутая, почти такая же, как в башнях какого-нибудь готического собора.

Поднявшись к себе, Лана долго не могла уснуть, ворочалась, потом уселась на стул у окна и, распахнув занавески, долго смотрела на звёзды.

Глава 2

Озёрский уезд, 1920 год, август

«Поможем всем миром! В Озёрск продолжают приезжать беженцы из тех краёв нашей многострадальной родины, которые ещё не могут оправиться от голода и разрухи, произошедших в результате деятельности белых помещичье-буржуазных армий, империалистов и их приспешников. Приезжающие к нам люди, как известно, находят приют в гостинице имени деятеля французской революции тов. Робеспьера, а наша родная советская власть и комитет РКП (б) делают всё для того, чтобы беженцы как можно скорее вросли в процесс свободного труда на благо рабочего класса, хотя с этим, товарищи, ещё есть проблемы. Многие беженцы сильно истощены: в течение трёх дней в прилегающем к ж-д вокзалу скверу были найдены обескровленные и истощённые в крайней степени тела умерших в количестве шести! Товарищи! Не проходите мимо! Жертвуйте на помощь беженцам – вашим братьям по классу – продукты и кто что может.

Помощь принимается в кабинете № 22 на втором этаже бывшего правления С.-Петербургского коммерческого банка. Не будем же равнодушными, поможем

всем миром!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Мир хижинам – война дворцам!

Краскор тов. Митя Столяров».

«Ведомости Озёрского уисполкома», номер 23 от 18 августа 1920 г.

Краскор товарищ Митя Столяров, белобрысый юноша лет девятнадцати, сутулый и щуплый, с красными от недосыпания – по ночам писал заметки – глазами, нынче чувствовал себя, как никогда, прекрасно! Ещё бы! В «Ведомостях», наконец-то, выдали обещанные гонорары, причём совершенно роскошным пайком: каравай хлеба, полдюжины гусиных яиц и полмешка картошки! А если учесть, что у Мити ещё имелся припрятанный шмат сала, выменянный на местном рынке у черноглазого спекулянта за пару почти новых обмоток, то… можно себе представить все предвкушения одиноко живущего молодого человека без особых возможностей, но, бесспорно – таланта, непризнанного пока ещё поэта и будущего столпа советской периодики.

Схоронив год назад мать – очень хорошую, кстати, портниху, – Митя остался совсем один (отец погиб ещё до войны – попал под поезд, а братья – недавно, от тифа). Хорошо, хоть квартирная плата и все прочие платежи во времена военного коммунизма были понятием условным, да и в уисполкоме корреспонденту иногда подкидывали талоны на морковный чай с корочкой хлеба… а то протянул бы товарищ Столяров ноги от голода, и так уже истощал, не хуже тех умерших беженцев, о которых совсем недавно писал. Раньше-то, когда мать жива была, подрабатывала шитьём, и продукты в доме имелись, а вот ныне… далеко не всегда. Хорошо, хоть морковный чай… талоны.

Нет, Митя не унывал, не жаловался: так сейчас все жили, что поделать – война. Вот разобьём буржуев, покончим с Врангелем и белыми польскими панами, вот тогда и настанет настоящая жизнь, такая, что… такая… такая… Коммунизм – одно слово! А сейчас и потерпеть можно, тем более – уже недолго осталось, совсем недолго.

Нет, и сейчас можно было жить, чего уж. Столяровы издавна квартировали почти в самом центре города – пусть небольшого, но города! – в одном из многоэтажных доходных домов, до революции принадлежавших известному купцу Никодиму Десяткину, а ныне, понятно, национализированных. После

смерти матери юношу уплотнили, на что Митя вовсе не сетовал – что он, буржуй, что ли, в двух комнатах жить? Маленькую и тёмную, похожую на ученический пенал – оставили Столярову, другую же – большую и светлую – по решению жилтоварищества разделили фанерной перегородкой на две, одну дали товарищу Чеширскому с супругой, сотруднику уездного земнадзора, вторую – молодому угрюмому парню, сотруднику местной ЧК.

Чекиста звали Пётр Бруджа – подозрительно, но сказал, что из стрелков латышских, и так всё объяснил. И при этом он чем-то походил на Митю: такой же сутулый, тощий и такие же красные глаза. Правда, волосы не белобрысые, а чёрные, как смоль, и кожа – бледная, словно у поганки. И холодная. Однажды Столяров прикоснулся к руке чекиста и поразился, насколько она ледяная.

«Замёрз», – буркнул тогда Пётр, и больше к этой теме они не возвращались.

На работу чекист ходил по ночам, днём отсыпался и – дивное дело! – сразу же попросил поменяться: свой, большой и светлый, кусок комнаты отдать в обмен на сырой и тёмный «пенал». Митя, конечно же, обрадовался, вот только несколько побаивался – а как на это посмотрит жилищный комитет? Новый сосед, однако же, обещал всё уладить… и уладил, всё же чекист, не кто-нибудь, – жилком переезд благословил! А ещё в тот же вечер поделился с Митей пайком, да и потом частенько делился – вот оказался какой человек, не то, что эти… Чеширские. А с виду – угрюмец нелюдимый! Правда, к себе в комнату никогда не приглашал, да и за стол вместе с Митей не садился, потому что сильно на работе уставал. Так это и понятно, работа у человека такая, что не позавидуешь. Почётная, конечно – да, но не позавидуешь: сколько нынче развелось спекулянтов, барыг разных, недобитых белогвардейцев, да и дезертирские шайки в окрестных лесах так и шастали…

…Насвистывая «Беснуйтесь, тираны», юный корреспондент уездных «Ведомостей» скинул с плеча мешок и остановился передохнуть у родного парадного, если так можно было назвать изрядно загаженный и вечно тёмный подъезд, мрачным видом своим напоминавший какую-нибудь крипту или глубокую, с летучими мышами, пещеру.

Тащить мешок по узкой лестнице на четвёртый этаж – не сахар, хоть и говорят, что своя ноша не тянет. Стоял Митя, дух переводил, отдыхая, любовался звёздным вечерним небом да зацепившимся за острый угол крыши месяцем ржавого, серебристо-красноваго цвета. Кроме месяца и мерцающих жёлтых

звёзд, ничего более тёмные улицы Озёрска не освещало: время такое, что уж поделать – не до фонарей!

– Ой!

Взвалив мешок на плечи, юноша едва не столкнулся с выбежавшим из подъезда парнем, в коем не сразу признал соседа-чекиста, а когда признал – куртка из «чёртовой кожи», брюки галифе, кожаная, с красной звёздочкой, фуражка, – то здороваться было уже поздно. И всё ж Митя повернул голову да крикнул вослед:

– Удачи, Пётр!

Не «Петя» прокричал – «Пётр», чекист просил, чтоб его только так и звали, а ещё лучше – «товарищ Бруджа», без панибратства.

Бруджа, однако, услышал, обернулся, правда, ничего не сказал, даже не махнул рукой, и очень быстро ушёл, что и понятно – дела! Важные дела, государственные, на то и ЧК.

Поднявшись к себе в квартирку, Митя сразу прошёл на кухню, поставил вариться картошку, потом, подумав, отложил с десяток картофелин покрупнее – соседу-чекисту в подарок, а то как-то не по-людски – тот угощает, а Митя что ж? – и только после этого взялся за сало.

…А пока юный корреспондент «Ведомостей» пировал, смачно заедая разваристую картошечку салом, бдительный и неустрашимый сотрудник ЧК товарищ Бруджа зачем-то осмотрелся вокруг и, не заметив ничего подозрительного, быстрым шагом направился к привокзальному скверу. Шагал вполне уверенно, ни на что не натыкался, словно бы видел в темноте ничуть не хуже кошки.

А ведь и верно – видел!

Видел, как гопники – ошивающиеся вокруг вокзала трое неслабых парней – подскочили к припозднившейся с редкого поезда дамочке да, не говоря худого слова, выхватили её саквояж, а саму потащили в кусты. В другое время Пётр,

конечно, вмешался бы, поскольку положительные показатели молодому уполномоченному были ох как нужны, легко совладал бы с троими да приволок бандюганов в бывшее судебное присутствие – двухэтажный, с лепниною, особнячок, – где ныне располагался уездный отдел губчека. Начальник, товарищ Отто Лациньш – вот он точно был из латышских революционных стрелков, – косноязычно похвалил бы молодого и ретивого да ещё поставил другим в пример: вот, мол, не зря товарищ Бруджа по ночам дежурит! Борется с бандитизмом изо всех своих молодых сил.

Из молодых, да… Эх, знал бы начальник, сколько его сотруднику на самом деле лет…

Да, показатели бы пригодились, но… не сейчас! Сейчас было некогда, поскольку именно сегодняшней ночью должно сладиться то самое дело, ради которого сюда и прибыл отец – старый кардинал в сопровождении трёх воинов. К их приезду «чекист» узнал всё, что приказали, что могло понадобиться для успешной операции.

– А?а-а?а!!!

Женщина закричала, вырвалась. Побежала, смешно цепляясь за кусты несуразно длинной юбкой. Хорошенькая! Не юбка – женщина, девушка даже.

Шляпка сбилась набок, длинные каштановые волосы растрепались, лицо перекошено страхом, но видно – красивая.

– А ну, стой, курва!

– Держи её, Гунявый, держи! Слева заходи, слева! Оп!

– Помогите?е-е?е!!!

Крик не резанул – резануть душу Бруджи никакой крик не мог, – крик заставил поморщиться и принять решение.

«Ну, красавица, значит, судьба у тебя такая – удачливая. Но показатели мне всё равно не улучшить…»

Потому что времени на то, чтобы официально зафиксировать проявленный героизм, решительно не оставалось.

Бруджа пропустил бегущую девчонку, после чего совершил гигантский прыжок и перекрыл бандитам дорогу. Широко распахнутые очи его пылали кроваво-красным огнём, бледное лицо исказила презрительная гримаса.

– Оп?па! Гунявый, ты глянь. Тут ещё какой-то фраер.

– У него ж «наган», парни!

– У нас у самих «наганы»… А ну-ка…

Вот в чём точно масан не нуждался, так это в шуме. А потому гопники просто не успели открыть стрельбу: слишком уж быстро двигался Пётр… Двигался и орудовал выхваченным стилетом. Удар, и тут же – следующий, уже в двух ярдах правее, совсем в другое тело. Удар. Тонкое лезвие не режет – мягко, будто игла, входит в плоть, нежно пронзая сердце и тут же убегая. Два удара, две смерти… Но они ещё не пришли. Два гопника продолжают стоять, недоумённо глядя перед собой. Уже мёртвые, но ещё смотрящие. Два трупа ещё на ногах, а Бруджа уже держит в плотном захвате третьего бандита, самого молодого, которого называли Гунявым. Держит и с наслаждением вдыхает идущий от пищи запах страха, предчувствует бурление крови и аккуратно выпускает иглы…

– Отпусти! – почти плачет гопник.

Иглы прокалывают кожу. Пища издаёт судорожный всхлип или вздох… Бруджа не знал, как правильно называть то, что он слышал почти от каждой жертвы, но ему оно безумно нравилось.

Чужая кровь согрела холодное тело вампира.

«Хорошо…»

С железнодорожных путей донёсся паровозный гудок. Пора.

Пётр небрежно отбросил наполовину высушенного, но всё равно уже мёртвого бандита и прошёл в глубь сквера, к цветочной клумбе, разбитой у будущего памятника Жану-Полю Марату, который должны были воздвигнуть на постаменте, оставшемся от статуи Николая Первого, сброшенной ещё в феврале семнадцатого. Уродливый, ободранный, с вывалившимися кирпичами постамент являлся сейчас тайником, храня в своём чреве четыре армейские фляги – три трофейные, австрийские, и одну довольно-таки забавную, французскую, с вычурным изображением знаменитого парижского шансонье Аристида Бриана, выполненным в стиле ар-нуво. В трёх австрийских кардинал привёз помощников, четвёртую же, вычурную, велел купить для себя.

Масаны могли существовать в виде зыбкого тумана и любили путешествовать в таком виде на короткие расстояния, не привлекая излишнего внимания, невидимые, незнаемые… ну, кому в голову придёт?

Пётр сложил фляги в саквояж, принадлежавший спасённой красотке, и поспешно зашагал к родному учреждению, находившемуся недалеко от сквера. Всё так же, холодно и бесстрастно, мерцали звёзды, и зацепившийся за крышу уисполкома месяц напоминал кривую турецкую саблю.

– А, товарищ Бруджа! – привстав, приветствовал вошедшего дежурный, парень в застиранной добела гимнастёрке с добрым, каким-то глуповато-детским лицом. – Опять в ночь?

– Я забираю автомобиль, – холодно кивнув, Пётр не стал поддерживать разговор: некогда было, да и вообще, масан не отличался болтливостью и не терпел этого в других. – Надеюсь, начальство не забыло распорядиться?

– Да, да, товарищ Лациньш оставил устный приказ. Вот только шофёр…

– Сколько раз говорить – я езжу сам, без шофёра.

– Я помню, помню… – Дежурный сбился и покраснел. По неизвестной ему причине он всегда трепетал в присутствии любимчика всесильного начальника ЧК. Было в товарище Брудже нечто такое, глубинное, беспощадное, что заставляло парня холодеть от ужаса. – Когда предполагаете вернуться, товарищ Бруджа?

– Как всегда – к утру.

Масаны могли неплохо управлять мыслями челов, чем и пользовался Пётр, прикрывая каждое своё действие надлежащим приказом. Вот как сейчас.

– Ну, ни пуха ни пера, товарищ!

* * *

– А это что? – негромко спросила Лера, указывая пальцем в правую сторону рисунка. – Медведь?

Она прекрасно понимала, что изобразила третьеклассница в своём альбоме, но хотела не только увидеть рисунок, но и услышать комментарии «художницы», потому что в них сейчас соль – в желании нарисовать, в понимании того, что хочется нарисовать.

– Какой же это медведь? – всплеснула ручками девочка, удивляясь про себя непонятливости новой учительницы. – Это Чебурашка вышел погулять на берег Тёмного. Он к нам в Озёрск приехал и любуется.

– Уши маленькие, – со знанием дела произнёс из-за плеча девочки Петухов, самый деловой пацан в 3?м «А». – Потому Валерия Викторовна и спутала с медведем.

– Не маленькие.

– Красивый Чебурашка, – остановила назревающую ссору Лера. – Ты молодец, Галя.

– Спасибо.

– А теперь, Петухов, покажи, что изобразил ты…

Вопреки ожиданиям детишки в школе оказались славными – с точки зрения преподавателя искусств, разумеется. Нет, попадались и те, кто кисточку

от ластика отличить не мог, но все старались, все хотели показаться новенькой, красивой и доброй учительнице, а главное – всем нравилось, как Лера ведёт предмет. Как показывает и объясняет, как возится с отстающими и радуется за тех, у кого получалось.

И получаться стало у всех.

Детишки – они ведь все талантливые, нужно просто помочь им раскрыться.

Но попадались, разумеется, и хулиганы.

Грозой Озёрской школы № 3 – первых двух в городе почему-то не было, а вторая, и последняя, вообще носила номер 6, – заслуженно считался ученик 11?го «Б» Цыпа, рослый и плечистый Боря Цыплаков, сынуля районного зампрокурора. Существо не по годам развитое, наглое и полностью уверенное в своей безнаказанности. Из всех предметов Цыпа спокойно себя вёл только на физике, биологии и физкультуре. Физику вела директорша, на физкультуре возглавлявший школьную футбольную команду Цыпа блистал, а семидесятилетняя биологичка – самая старая учительница Озёрска – когда-то была классной дамой зампрокурора, и папаша так отметелил Борю за первое же невежливое слово в адрес старушки, что теперь Цыпа начинал здороваться с ней за двадцать футов, помогал носить сумки, а на уроках вёл себя так, словно его подменял благовоспитанный брат-близнец.

Что же касается новенькой, то уже на первом уроке Цыпа громко осведомился, какого цвета у Валерии Викторовны трусы. Вызвав пошлой шуткой хихиканье всего класса.

«Хочешь попросить на память?»

«Э-э? – Борис, ожидавший, что молоденькая училка или смутится, или разорётся, слегка растерялся и глупо переспросил: – На память?»

«А что ты ещё можешь попросить? – прохладно осведомилась Лера. – Для всего остального ты ещё не дорос».

Класс заржал, и с этого момента преподаватель Кудрявцева стала смертным врагом главного хулигана средней школы № 3.

Последний на сегодня урок закончился, третьеклассники разбежались, унося в портфелях заслуженные «пятёрки» и «четвёрки», а в класс заглянула дебелая женщина в очках и с «мелким бесом» на голове – замдиректора по УВР Нина Альфонсовна Колосова, – попросила «поприсутствовать на допросе»: мол, пришли из полиции, а все педагоги, как назло, или на уроке, или уже ушли. Валерия покорно кивнула и отправилась в учительскую, где обнаружила молодого, лет тридцати, брюнета в чёрном, наброшенном на модный тонкий свитер пиджаке и узких джинсах, явно не на местной барахолке приобретённых.

Брюнет сидел у окна, а за тем же столом, спиной к выходу, сутулился Цыплаков, при скрипе двери затравленно обернувшийся:

– Ой! Валерия Викторовна… здравствуйте.

– Здравствуй, Цыплаков. Что натворил?

– Я? Я ничего… чес-слово, Валерия Викторовна… Никому – ничего… Вот и господин полицейский подтвердит, ага.

Брюнет поднялся на ноги:

– Ройкин, Дмитрий Олегович, старший лейтенант полиции.

– Валерия Викторовна. – Девушка протянула руку. – Преподаю изобразительное искусство и МХК.

– Э-э… – Ройкин жестом предложил Лере присесть, тоже вернулся на стул и, повертев ручку, не удержался: – А что такое МХК?

– Другое рисование, – пробубнил Цыпа.

– Тихо!

– Мировая художественная культура, – расшифровала девушка.

– Интересный предмет.

– Очень.

– Борис, у тебя по нему «два» небось? – ехидно поинтересовался полицейский.

– Это ещё почему? – нахмурился подросток.

– Откуда в тебе взяться культуре?

– Давайте без оскорблений, – попросила Лера. – В чём обвиняется ребёнок?

– Не надо меня так называть!

– Тихо! – повторил Ройкин и перешёл на официальный тон: – Несовершеннолетний Цыплаков Борис Васильевич допрашивается в качестве свидетеля по уголовному делу о краже из шашлычной Нугзара, что на Тихвинском шоссе.

– Где?

– Вы ведь недавно к нам приехали? – Глаза полицейского сверкнули.

– В августе.

– У Нугзара, кстати, лучший в районе шашлык…

Цыпа закатил глаза…

…Вообще-то брюнет Лере понравился. Симпатичный и весь из себя такой… загадочный, как граф Монте-Кристо. И профессия романтичная – оперативный сотрудник полиции! Лицо загорелое, выбрито начисто… ум-м… приятный парфюм, местные мужчины им в большинстве своём пренебрегали, в лучшем случае пользовались одеколоном… и брови – такие тонкие. Интересно, от природы такие или он их выщипывает? Ну, ведь бывают мужчины, которые за собой следят… нет, на голубого Ройкин не похож – стойку при виде красивой

девушки сделал идеальную, не каждый сеттер так на вальдшнепа встанет, – и на Цыпу вообще перестал смотреть – только на неё… а глаза, кстати – серые, стальные… для брюнетов такое сочетание – очень даже ничего! Наверное, сейчас в гости набиваться начнёт… нет! Сначала – проводить напросится. А почему нет? Пускай проводит. Вот только скутер куда? Так здесь, у школы, и оставить – сторожу сказать, что сломался…

И всё произошло именно так: после допроса симпатичный опер вытурил «несовершеннолетнего Бориса Васильевича Цыплакова» из учительской и в самых приятных выражениях предложил подвезти новенькую учительницу до дома, а то, мол, темновато уже – для трёх часов дня заявление вышло удивительное, однако на нестыковочку никто внимания не обратил. Валерия «неожиданно вспомнила», что у неё сломался мопед, и с удовольствием расположилась на переднем сиденье белого «Форда» – новенького, только из салона.

Шуршал под резиной асфальт, тихо играла музыка, проносились с обеих сторон ещё не включившиеся фонари.

– Ты уже изучила город? – спросил Ройкин, лихо обгоняя чёрную приземистую «Тойоту». – Озёрск у нас небольшой, но очень красивый… Ой! Ничего, что на «ты»?

– Ничего, – улыбнулась Лера. – Даже удобней.

– Так изучила город?

– Не полностью. Сначала ремонт пришлось делать, потом учебный год начался…

– Сама делала ремонт? – удивился полицейский.

– Руководила в основном, – снова улыбнулась девушка. – Но что-то пришлось делать самой.

– А муж?

– Не замужем.

– А парень?

– Пока не обзавелась.

– То есть я успел, – рассмеялся Дима. – Что делаешь вечером?

– Ты обещал показать город.

– Не обещал, но покажу…

Об Озёрске старший лейтенант знал, казалось, всё – и это Валерии очень понравилось, она вообще любила таких вот людей – увлечённых.

– Эта улица, имени Парижской Коммуны, до революции – Спесивая, тут одни купцы селились.

– Так и называлась? – удивилась девушка.

– Нет, конечно, так её местные звали. – Ройкин хихикнул, довольный тем, что сумел ввести в заблуждение собеседницу. – А называлась она Псковской…

А вот это… а то… а там… Казалось, старший лейтенант знает историю каждого дома, каждого камня Озёрска, и поездка, на которую девушка согласилась, только чтобы не прерывать едва начавшееся знакомство, превратилась в увлекательную экскурсию, закончившуюся на главной площади города, у белокаменной церкви с золочёным куполом, стройненькой, словно юная дева, и притягательно красивой в своей лаконичной строгости.

– Церковь Архистратига Михаила, – негромко пояснил Ройкин. – Самая наша любимая.

– И, наверное, главная архитектурная достопримечательность?

– Нет. – Полицейский подъехал к летней, ещё работающей по причине тёплой погоды кафешке, и разговор они продолжили за столиком. – Честно говоря, самое красивое здание находится не в городе, а милях в четырёх от него – это усадьба графов Озёрских.

– Действительно красивая?

– Очень, – серьёзно подтвердил Дима. Он закурил и продолжил: – У меня там бабушка недалеко жила, и мы с ребятами летом играли на территории… Усадьба заброшенная была, но всё равно красивая.

– А теперь?

– Теперь её Чикильдеевы купили. – Полицейский поморщился. – Будут курорт делать.

– Отреставрируют?

– Ага… Но что у них получится? – Судя по всему, Ройкину не нравились ни сами Чикильдеевы, ни их замысел. – Правда, архитектора они именитого нашли, из Москвы. Может, и правда он там всё хорошо устроит…

Помолчали, дождались салатов, которые оказались хоть и несложными, но вкусными, и полицейский, почувствовав, что девушка заинтересовалась усадьбой, продолжил:

– По слухам, графы Озёрские знались с нечистой силой – во всяком случае, так говорили о последней графине – Юлии. Она не местная была, из Москвы, а граф считался завидным женихом, вот, наверное, неудачники и запустили тот слух.

– Что она колдунья?

– Ага. – Ройкин заметил, что Лера с трудом терпит запах табачного дыма, и больше не курил. И даже пепельницу отставил на соседний столик. – После революции граф Александр подался к Врангелю, да там и погиб. Юлию же убили большевики во время штурма усадьбы – там скрывалась белая банда. – Дима выдержал короткую паузу. – Графиню убили, а её дочь, красавицу семнадцати лет, изнасиловали и бросили в лесу умирать.

– Жуть какая! – поёжилась Лера.

– А после смерти графини пошли слухи о том, что где-то в усадьбе спрятаны несметные сокровища, и их искали все, кому не лень.

– И вы с друзьями?

– А как же, – подбоченился Ройкин. И тут же осведомился: – Решили насчёт вечера?

* * *

– Это вообще что?

– Что «что»? – не понял водитель автобуса.

– Вот это… – Газон неуверенно повёл рукой в сторону грязного окна, словно намереваясь то ли благословить, то ли посолить окружающее пространство. – Что?

– Озёрск, – коротко ответил шофёр.

– А сидел я где?

– Здесь и сидел, в первом ряду.

– Я не про колымагу твою, – отмахнулся Газон. – Я в целом. Сидел я где?

– Здесь, – не стал тратиться на новое слово шофёр.

– Прямо здесь? – удивился Шапка. Огляделся, но ничего привычного не приметил: ни камеры на шестерых, ни столовки, ни мастерской. – А не врёшь?

– В двадцати милях к северу.

– Почему?

– Там воздух чище.

– А-а… – протянул дикарь. – То-то у меня голова болит.

– Таблетку дать?

– Мне выпить нужно.

– А мне в рейс пора. – Водитель начал тяготиться слишком назойливым пассажиром. – Выходишь?

– Прощай.

– Скатертью дорога.

Сойдя на грешную землю, Газон уселся на лавочку в тени, поставил руки на бёдра и принялся с важным видом озирать округу, попутно раздумывая, где бы сшибить деньгу, и по возможности – лёгкую. Потому что на тяжёлую деньгу в нём просыпалась аллергия, а не срубать нельзя, потому что заработанного в принудительных мастерских хватало в обрез, а душа жаждала праздника.

Округа же, к сожалению, ничего пока не обещала, приглядываясь к гостю с подозрительным провинциальным прищуром.

– Дела, – протянул дикарь. – Дела…

Главная площадь Озёрска была симпатичной, но обыкновенной. Впереди, если смотреть на юго-юго-запад, стоял безликий дом районной администрации – квадратный, кирпичный, с огороженной парковкой и скучающим полицейским на крыльце. Справа от него высилась окружённая сквером церковь – архитектуры обыкновенной, но чистенькая, хорошо отреставрированная и потому привлекающая внимание. Затем шёл жилой дом, на первом этаже которого призывно пестрела вывеска магазина – поход в него Сигизмунд пока отложил, затем – дом с каким-то банком, затем гостиница, именующаяся «отелем“ Озёрск”», а за ней – нечто развлекательное под названием «Бродвей», видимо, бывший Дом культуры.

– Дела…

«Банк, что ли, ограбить?»

И тут же – секунды не прошло! – Газон сложил в покрытой красной банданой голове выверенный до мелочей план дерзкого, шумного, а главное – удачного налёта. Вот он смело подбегает к полицейскому челу, отвешивает растяпе могучую затрещину и овладевает оружием. Вот он врывается в помещение банка, потрясая пистолетом и пуляя в потолок. Вот он прыгает в седло верного мотоцикла и мчит в перспективную даль, победоносно размахивая длинным рублём…

План получился настолько реальным, что Газон даже смог его потрогать потной ладошкой. И оставалось прояснить всего два мелких вопроса: первый – куда подевался мотоцикл? Второй – кто будет грузить длинные рубли в мешки, пока он, герой, станет пугать охрану, размахивая оружием?

– Закурить, извините, не найдётся?

Дикарь нехотя отвлёкся от стоящей перед глазами картины и недовольно воззрился на небритого мужика в грязной робе с затёртой надписью «… канал».

– Покурить, извините, не угостите? – приятно улыбнувшись, повторил мужик.

– Курить вредно, – грубовато сообщил Шапка, почёсывая правой татуированной рукой левую татуированную руку. Никто из обитателей Тайного Города – за исключением челов – не курил и курить не собирался.

– Здоровье не позволяет?

– Скурвиться можно.

– Не скурвиться, а скуриться, – поправил дикаря мужик. И прежде чем возмущённый Газон высказался по поводу грамотности неожиданного собеседника, продолжил: – Но ведь боязнь скурвиться не мешает вам выпивать, не так ли?

Судя по всему, чел опытным взглядом разглядел потенциального собутыльника, и разговор о куреве стал всего лишь необходимой прелюдией к перспективному знакомству.

– Водку не употребляю, – определил приоритеты Сигизмунд, которому необычайно понравился второй заход незнакомца. – Я от неё буйным делаюсь.

– Как мы с вами похожи! – всплеснул руками «… канал». – Я вот, к примеру, предпочитаю армянский коньяк. Извольте…

И протянул Газону плоскую фляжку.

– Мне нравится этот город, – осклабился дикарь, принимая угощение. – Как зовут?

– Озёрск.

– Тебя как зовут, дубина человская?

– Николай Матвеевич Столяров, – отрекомендовался небритый и даже привстал немного, демонстрируя остатки воспитания. – Слесарь.

– А я – освободился, – обозначил своё социальное положение Шапка. – Ну, за знакомство.

И сделал солидный глоток, продемонстрировав собутыльнику и мастерство, и опыт.

– А вас, извините, как величать?

– Палёный, – выдохнул дикарь.

– Фамилия такая?

– Коньяк твой палёный, – уточнил опытный Шапка. – Не армянский ни разу, чтоб его Спящий обратно выпил, а разлитый тут недалеко, под Питером, нам такой

вертухаи втридорога втюхивали.

– Не армянский? – растерялся слесарь.

– Армяне столько не гонят, сколько мы выпиваем, – хохотнул дикарь. – Да ты не парься, чел, палёные тоже разные, и твой – в нормале.

И, подытоживая лекцию, сделал следующий глоток.

– Вы не представились, – напомнил Столяров.

– Газон, – сообщил дикарь, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Газон – это кличка?

– Типа.

– А зовут вас как?

– Сигизмунд Феоклистович Левый, – слегка напрягшись, припомнил Шапка. – Можешь хоть в справке про свободу поглядеть.

– А. – Слесарь помолчал. Обдумал услышанное. Выпил, промокнул рот грязноватым платком и произнёс: – Я, пожалуй, стану называть вас Газоном.

– Договорились. А ты чо такой культурный, в школе учился?

– Инженер, – вздохнул Столяров. – Теперь – жертва невидимой руки рынка.

– И чо тебе от меня надо, жертва? – спросил, прищурившись, Газон, поскольку прекрасно понимал, что просто так никто его, освобождённого, поить не станет.

– Вам, извините, деньги нужны? – немного смущаясь, осведомился Николай Матвеевич.

– Давай, – тут же среагировал Шапка.

– Дать, извините, не получится, – вздохнул Столяров. – Заработать надо.

– Э-э… – В обычном случае слово «заработать» вызывало у Газона яростную отрыжку, однако прививка, полученная в исправительном учреждении, ещё действовала, и дикарь повёл плечом: – Чо надо?

– У меня связи есть на местном кладбище, – деловым тоном поведал интеллигентный слесарь. – Поступил заказ на захоронение бродяги.

– Сколько? – перебил нового знакомца Газон.

– Пятьсот.

– Где лопаты?

* * *

– Смотри, как интересно: в начале XIX века Озёрск считался одним из самых богатых городов губернии…

– Я знаю, – кивнул Бруджа. – В то время здесь селились купцы, развивались мануфактуры… В общем, жизнь кипела.

– Но уже к концу столетия город растерял всё своё преимущество, превратившись в то поселение, которое мы знаем: скромный районный центр. – Эльвира закрыла книгу и выразительно посмотрела на Петра. – Здесь случился мор?

– Здесь не случилось железной дороги, – объяснил вампир. – Мозгами местные купцы остались в екатерининских временах, считали, что водного и санного пути достаточно для нормальной деловой активности, и даже приплатили инженерам, чтобы те не прокладывали сюда пути.

– Но ведь здесь есть вокзал, – удивилась девушка.

– Боковое ответвление, построенное во время Первой мировой, – объяснил Бруджа. – А в XIX веке железная дорога сюда не пришла, и торговля с промышленностью захирела. Ничего личного, просто трудно везти сырье и вывозить товар.

– Озёрск стал жертвой невидимой руки рынка?

– Я бы сказал: стал жертвой глупости и недальновидности своих вождей.

Эльвира рассмеялась.

Сегодня они коротали вечер не на террасе, а в выходящей на неё гостиной, но даже приоткрывать окно не стали – слишком уж свежий ветер дул с озера, – любовались закатом через стекло. Эльвира – на подушках, Пётр – сидя на ковре, опершись спиной на диван. И пальцы девушки нежно перебирали его густые волосы.

– Ты так много знаешь об Озёрске…

– Жизнь заставила.

– Ты мог бы просто приезжать сюда, по делам, но ты…

– Интересовался.

– Да.

– Я… – Вампир усмехнулся. – Само получилось, если честно. Приходилось много общаться с местными, вот и узнал.

– И не забыл.

– Я могу забыть что угодно, но только не то, что связано с Озёрском, – ровно ответил Пётр. – Об этом городе я помню любую мелочь.

– Понимаю… – Эльвира привстала, взяла со столика бокал с белым вином, пригубила. – И…

Ещё один глоток.

– Что «и»? – негромко спросил Бруджа.

– Ничего. Извини.

По тону Эльвиры было понятно – девушка сама не рада, что невольно подтолкнула к продолжению разговора, и данное обстоятельство возбудило интерес Петра.

– Расскажи, – мягко попросил он.

Она слишком хорошо знала любовника, чтобы отнекиваться.

– Тебе будет неприятно.

Ещё глоток вина.

– Уверена?

– На сто процентов.

– Всё равно скажи, – подумав, попросил вампир. И выставил назад руку, в которую девушка аккуратно вложила бокал.

– Мы никогда не говорили об этом, но… – Голос Эльвиры стал очень-очень мягким. – Ты уверен, что твой отец до сих пор жив?

Помрачневший Бруджа одним глотком выпил почти всё вино из бокала.

– Прости, – вздохнула девушка.

– Не за что. – Пётр повертел в руке стекляшку. – Я ведь понимаю, почему ты спросила.

– Я…

– Ты боишься, что я окажусь не готов к тому, что может… – Голос предательски дрогнул. – К тому, что я могу найти…

– Да. – Эльвира наклонилась и поцеловала вампира в макушку. – Спасибо, что понял меня.

– Я всегда понимаю. – Его холодные пальцы нежно пробежали по руке девушки. – Я тоже думал об этом. И даже ставил эксперименты, испытывал… – На его губах заиграла жестокая усмешка. – Я загонял масанов в туман, запечатывал в ёмкости и оставлял на много-много лет…

Бессердечно, безжалостно, жестоко… Но какое это имеет значение? Ведь он должен был понять, что будет с отцом! Жизни сородичей не имели для Бруджи никакого значения – отец, вот кто стоял на первом месте.

– И что? – спросила Эльвира.

– К сожалению, никто из подопытных не был даже вполовину так силён, как мой отец.

– Чем закончились эксперименты?

– Не очень хорошо, – не стал врать Пётр. – Потом я узнал, что несколько столетий назад эрлийцы, с позволения Тёмного Двора, разумеется, проводили аналогичные опыты… Самый сильный масан продержался девяносто три года… Так что время у меня есть.

Он допил вино и резким жестом отставил бокал.

– Масаны стареют в тумане?

– Да.

– А память? Сознание…

– Естественно, – вздохнул Бруджа. – И об этом я тоже думал. – Пауза. – Отец совсем один. В темноте. Он всё понимает. Ждёт помощи, а я… Я схожу с ума… Ведь это я во всём виноват… Я!

– Ты ни при чём. – Эльвира соскользнула с дивана, положила руки Петру на плечи и заглянула в глаза: – Ты – хороший сын. Ты делаешь всё, чтобы его спасти.

– Но пока не спас.

– Рано или поздно спасёшь.

– Рано или поздно. – Вампир справился с собой, и теперь в его голосе звучала не паника, а лёгкая грусть. – Давай кого-нибудь убьём?

– Нельзя убивать слишком часто, – улыбнулась девушка. – Нас могут вычислить.

– Давай убьём так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Эльвира провела рукой по щеке Петра.

* * *

Громкие раскаты музыки, прерываемые утробным речитативом диджея, били по ушам отбойными молотками, цветные лазеры расстреливали глаза, молодёжь на танцполе орала, размахивала руками и обливалась шампанским. Полуголая девушка на шесте извивалась потной змеёй.

Всё шло здесь как обычно.

– Это кто? – осведомилась Эльвира, с деланой небрежностью глядя в глубь зала, в темноту, в которой укрылись «тихие» столики, обитатели которых не желали громкой музыки и танцев.

– Ещё не знаю, – промурлыкал Анисим, в очередной раз посмотрев на яркую брюнетку, компанию которой составлял известный озёрский опер.

– Что?!

Тон белокурой красавицы ясно дал понять, что ответ оказался неверным, и Чикильдеев, кашлянув, заставил себя отвести глаза от незнакомой прелестницы:

– Не знаю, кто это. Возможно, новая учительница…

– Школьная мымра?!

– Ага. О ней весь город говорит…

– То есть ты о ней слышал? – возмутилась блондинка.

– Э-э… – Чикильдеев понял, что спалился. – Краем уха.

– Анисим!

– Честное слово.

– Правда?

– Озёрск невелик, тут каждый новый человек как на сцене, и все начинают его обсуждать…

При этом Анисим умолчал, что появление самой Эльвиры потрясло городок не меньше, чем пришествие новой учительницы. Эффектная блондинка, да к тому же богатая, и вдобавок – деловой партнёр самих Чикильдеевых в деле создания элитного курорта, да к тому же – через несколько дней – не просто деловой партнёр, а почти официальная спутница Анисима… В общем, пищу для сплетен Эльвира дала калорийную, но теперь её время прошло…

– А что за парень с ней? – осведомилась девушка, поймав на себе пристальный взгляд спутника учительницы.

– Ройкин, – коротко ответил Анисим. – Полицейский…

– Выпьем ещё? По коктейлю? – Дима – в бежевом пиджаке и узеньких, тёмных, с отливом, брюках – деликатно прикоснулся к плечу девушки. Он вёл себя сдержанно, однако иногда, когда момент благоприятствовал, не отказывался от намекающих прикосновений. Лера относилась к подобным проявлениям с пониманием и замечаний кавалеру не делала.

– Согласна! Ещё по одному!

– Всего по одному? – притворно удивился Ройкин.

– Там видно будет, – в тёмных глазах девушки мелькнуло обещание.

– Договорились. – Полицейский объяснил официантке суть задачи и вновь повернулся к спутнице: – Как тебе здесь?

– Весело!

– Я рад!

Из-за грохочущей музыки им приходилось в буквальном смысле слова кричать друг другу, однако таковы особенности современных свиданий. С другой стороны, тут действительно был ночной клуб, а не рабочая столовая, и девушка знала, куда шла.

– Ты не будешь против, если я сниму пиджак?

– У тебя что, рубашка с вырезом на спине?

– Нет, – рассмеялся Дима. – Просто некоторые девушки считают этот жест чересчур личным.

– Снимай, – кивнула Лера, – но только пиджак.

– Ты до сих пор не веришь в моё хорошее воспитание?

– Я верю в алкоголь.

– Ты слишком умна для своей красоты.

– Я не красавица, я учительница.

– Боже мой… – Ройкин театрально вздохнул и принялся стягивать пиджак.

Насчёт алкоголя девушка не шутила: бармен в «Стёклах» оказался хорошим, смешивал правильно, не воровал и не разбавлял, и потому модный коктейль «Тёмное озеро», включающий в себя изрядную толику джина, оставлял приятный шум в голове. Изначально Дима предложил спутнице лёгкий «Шумел камыш», однако он показался слишком сладким, и весь вечер Лера тянула «Озеро».

Ройкин не возражал.

И не переставал любоваться чаровницей, соблазнительно наряженной в узенькую маечку и обтягивающие джинсы. На Леру заглядывались все гуляющие в «Стёклах» мужики, однако репутация Ройкина заставляла их держаться в стороне. Во всяком случае – пока, пока алкоголь ещё не добрался до корневых каталогов в их головах, отключив логику и введя вместо неё программу усиления героизма.

– Дима! Пошли воздухом подышим.

– Пошли.

Обняв девчонку за талию, полицейский проводил её на крыльцо и, извинившись, закурил.

– Почему ты извиняешься?

– Мне показалось, что ты не терпишь табачного дыма.

– Ты наблюдательный.

– Я – полицейский.

– Буду иметь в виду.

– Договорились…

Он чуть подался вперёд, она не отпрянула, лишь улыбнулась, и здесь их губы должны были…

Но всё испортил звонок.

В обычном случае, наверное, Дима не обратил бы на него внимания, однако телефон сыграл «Наша служба и опасна, и трудна…», и полицейский, крякнув:

– С работы… – вытащил трубку из кармана: – Ройкин!

А ещё через несколько секунд приобрёл настолько несчастный вид, что стал напоминать кота, у которого не просто отобрали сметану, но и ещё стукнули тапкой по голове.

– Надо ехать.

– Что-то случилось? – участливо осведомилась девушка.

Она прекрасно понимала, какие чувства испытывает сейчас её кавалер.

– Труп.

– Труп?!!!

– Да, нынче у нас это редкость. – Ройкин убрал телефон, задумчиво посмотрел на курящих мужиков, большинство которых бросало на Леру заинтересованные

взгляды, и предложил: – Я отвезу тебя домой?

– Конечно. – Она улыбнулась. – Без тебя я тут не останусь.

– Спасибо.

* * *

Кто-то скажет: «По?шло!» Другой поддержит: «Раскрученные имена!» Третий молча отвернётся, но… Да, каждый из критиков будет по-своему прав, но…

Но Сулир Кумар всё равно любил слушать оперные арии в исполнении «большой тройки». Да, у них были раскрученные имена. Да, они навязли на зубах. Да, их многие не любили, но… Но голоса очаровывали, и Кумар наслаждался каждой взятой певцами нотой.

А для чего ещё слушают музыку?

Архитектор запустил файл с «Паяцами» – дома он наслаждался оперой в специальной комнате, в которой с помощью лучшей аппаратуры и щепотки магии создавался идеальный звук, но в путешествии приходилось довольствоваться динамиками ноутбука – и занялся делами.

– Та-ак, давай посмотрим, что наворотили сегодня наши бравые челы…

Просмотр фотографий и заметок о прошедшем рабочем дне, замечания и указания, сделанные и не сделанные. Проблемы и варианты решений.

Объект Чикильдеевы задумали огромный, по характеристикам сложнейший, квалифицированных рабочих среди тех, кто его возводил, было немного, и потому «косяки» возникали постоянно, в том числе – на ровном месте. Кто-то неправильно прочитал схему, кто-то решил, что лишних десять футов в сторону – пустяк, кто-то привёз не тот песок – каждый подобный просчёт опытный шас подмечал молниеносно и по каждому устраивал громогласный скандал, обрушивая на головы виновных все доступные кары.

И постепенно – о чудо! – «косяков» становилось всё меньше и меньше.

А Чикильдеев-младший, отправленный грозным отцом руководить стройкой, нарадоваться не мог на модного столичного архитектора, который не гнушается «авторским надзором» за строительством, отрабатывая таким образом грандиозный гонорар. А вместе с Анисимом радовались его грозный отец и группа инвесторов из Питера и Москвы, изначально протестовавших против приглашения столь дорогостоящего специалиста.

Эх, знали бы инвесторы, что именно заставляет Кумарского-Небалуева тратить драгоценное время и силы на «авторский надзор», посмотрели бы на него совсем иначе… Но инвесторы не знали. И потому спали спокойно. В смысле – этой проблемы у них не было.

…Не знали деловые люди из двух столиц, что молодой Сулир Кумар был не единственным, но горячо любимым племянником того самого Раджита Кумара, которого в Озёрском уезде, а позже – районе знали как Владимира Раджитовича Кумова, и как Адольфа Самуиловича Кумаревича, и как Зиновия Моисеевича Раджитова… Знали, да не узнавали.

Почти весь XX век упорный Раджит то и дело возвращался к усадьбе графов Озёрских, то на месяц, то на несколько лет, исследовал её вдоль и поперёк, потратив на это огромное количество бесценного времени, но удачи не видел… О чём перед смертью и поведал любимому племяннику – своих детей Раджит завести не удосужился.

«Если я чего об усадьбе не знаю, – прошептал тогда старик, лихорадочно блестя чёрными глазами, – значит, этого нет. Я простучал все стены. Я пробил все перекрытия. Я присутствовал при смене проводки. Я был, когда меняли уличные трубы… Я ставлю копейку против золотого червонца, что в доме тайника нет…»

«Может, его вообще нет?» – попытался отговориться Сулир.

Он и верил, и не верил дяде. С одной стороны, родственники твёрдо считали Раджита «двинутым», положившим жизнь на ерунду. С другой – если оставить за скобками одержимость тайником фаты Юлии, все остальные действия старика поражали продуманностью и истинно шасским прагматизмом. Он не был сумасшедшим, он просто увлёкся.

«Тайник есть, и в нём лежат рабочие дневники фаты Юлии – необычайно полное и подробное исследование метаморфов. За эти тетрадки, в которых прячутся результаты многолетних исследований, любой Великий Дом заплатит столько золота, сколько весит вся твоя семья…»

«Включая двоюродных дедушек?» – пошутил архитектор.

«Их тоже, – Раджит не принял шутку. – Тёмный Двор торговаться точно не станет. Юля была гением и грезила искусственным выведением метаморфов».

«Но ведь это…»

«Власть, Сулир, огромная власть. Возможность искусственного выведения метаморфов способна изменить ход истории».

«Но разве их можно вывести?»

«Юлия считала, что шансы есть, а Юлию считали гением».

«Почему же навы не исследовали усадьбу?»

«Они исследовали, – пожал плечами старик. – Приехали сразу после гибели фаты, но ничего не нашли. И решили, что моя история – выдумка».

«А на самом деле?»

«Я много говорил с Юлией, – усмехнулся Раджит, откидываясь на подушки. – Я не мог понять, почему молодая фата отвергла блестящие перспективы в Зелёном Доме и уехала в озёрскую глушь… Она действительно любила мужа, этого чела… Но кроме того она надеялась совершить историческое открытие. И это ей почти удалось».

«Почти?»

«Фата стояла на пороге. И тот, кто заполучит её записи, – откроет дверь в будущее».

«Вы верите…»

«В любом случае, сынок, в тайнике Юлии хранятся все сокровища графского рода, – продолжил старик. – Золото, серебро, камни и украшения… Перед революцией фата продала земли, сняла со счетов деньги и обратила бумагу в настоящие ценности. Так что куш хорош и без тетрадок… – Раджит закашлялся. – Я просто хочу, чтобы кто-то продолжил… – Сулир подал старику воды. – Спасибо. – Глоток. – Я обнюхал всё поместье и могу с уверенностью сказать, что если тайник есть, то обнаружить его можно, лишь перекопав территорию вдоль и поперёк…»

Старый Раджит умер через два дня после того разговора. Умер, оставив Сулиру более чем приличное состояние и толстую папку с доскональным отчётом по всем исследованиям усадьбы. Состояние архитектор охотно принял, а вот в историю клада и бесценных тетрадок и верил, и не верил. Навёл справки: действительно, была такая фата Юлия. В самом деле исследовала метаморфов. Да, за её дневники положена награда. Да, их не нашли. Но и не искали особо…

В общем, Сулир о данном дядюшке слове помнил, однако исполнять его не спешил. Делами озёрскими интересовался, но с ленцой, по обязанности, и лишь информация о том, что семейство Чикильдеевых собирается устроить в усадьбе крупный курорт, заставила архитектора действовать.

Он помнил твёрдую убеждённость Раджита: «…обнаружить его можно, лишь перекопав территорию вдоль и поперёк…» И раз уж выпала такая удача, решил воспользоваться моментом.

Выиграть конкурс для Сулира не составило никакого труда – его мастерская была самой титулованной из тех, что подали заявку. Гонорар архитектор указал меньше обыкновенного и вскоре уже пожимал руки Андрею и Анисиму, обещая сделать «настоящую жемчужину». Слово сдержал – проект был выполнен на высочайшем уровне, – и теперь он лично контролировал земляные работы на территории – самые для него интересные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/panov_andrey/semeynoe-delo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить